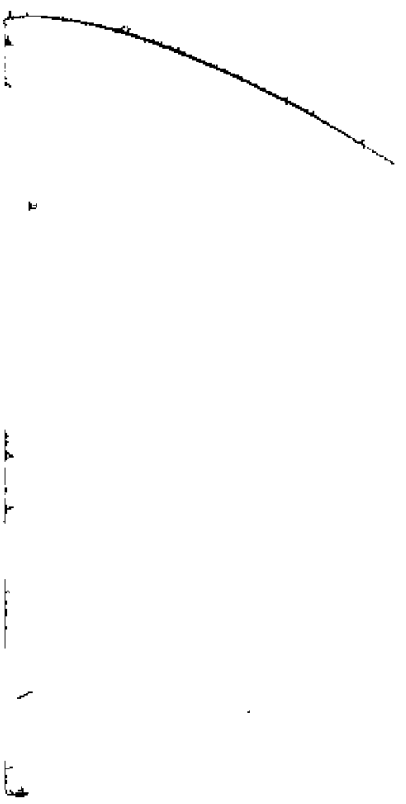
1460.

Книга в исправности.
Библ. 8 Мар 1/ 20



СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

В 9(47.9)
ВГ 1460
60

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА.

МУРИДИЗМЪ И ГАЗАВАТЪ

ПО ОБЪЯСНЕНІЮ ШАМИЛЯ.

А. Руновскаго.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА.

ТИФЛИСЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ НАМѢСТНИКА КАВКАЗСКАГО.

1863.

1г

2

Одобрено Цензурою. Тифлисъ 15 Апрѣля 1863 г.

1179
27

...ская общественная
библіотека.

МУРИДИЗМЪ И ГАЗАВАТЪ

ВЪ ДАГЕСТАНЪ,

по объясненію Шамиля.

Намъ извѣстно, что съ самаго начала зарожденія въ Дагестанѣ священной войны и до послѣдняго вздоха, испущеннаго ею въ 1859 году, Шамиль принималъ въ ней самое дѣятельное участіе, постоянно занимая двѣ главнѣйшія роли: онъ былъ или героемъ этой грозной драмы, или же однимъ изъ тѣхъ характерныхъ персонажей, безъ которыхъ вся пьеса становится безцвѣтною и даже невозможною къ исполненію (*).

Такимъ образомъ Шамиль, можно сказать, былъ альфой и омегой дагестанскаго газавата. При этомъ условіи, одаренный къ тому же отъ природы большимъ умомъ и высокою честностію характера, онъ конечно представляетъ собою единственное лицо, способное разъяснить весь ходъ этого дѣла болѣе сознательнымъ и разумнымъ образомъ, нежели кто либо изъ другихъ участниковъ и очевидцевъ. Все это кажется достаточно гарантируетъ для будущаго

(*) «Шамиль, біографическій очеркъ». Кавказскій Календарь на 1861 г.

исторіографа правдоподобіе и послѣдовательность данныхъ, которыя будутъ сообщены Шамилемъ.

Въ этомъ именно предположеніи, мы убѣдили плѣнника разсказать намъ все, что помнитъ и знаетъ онъ о газаватѣ, начиная отъ зарожденія его въ Дагестанѣ и до того времени, когда вступивъ въ фазисъ полнаго развитія, онъ сдѣлался намъ извѣстенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Приступая теперь къ изложенію сообщенныхъ Шамилемъ свѣдѣній, мы должны предварительно сказать, что въ показаніяхъ его заключается много весьма рѣзкихъ противорѣчій съ тѣми свѣдѣніями, которыя до этой поры были заявлены всѣми писавшими у насъ о Кавказѣ. Въ нихъ есть даже нѣсколько противорѣчій и съ тѣми свѣдѣніями, которыми подарилъ публику извѣстный нашъ профессоръ г. Казембекъ, въ сочиненіи своемъ «Муридизмъ и Шамиль», напечатанномъ въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Слова» за 1859 годъ.

Обстоятельство это въ началѣ заставило насъ усомниться въ непогрѣшимости фактовъ, излагаемыхъ въ нашемъ собственномъ трудѣ. Чтобы привести это въ положительную извѣстность, мы убѣдили Шамиля прослушать вторично составленную нами статью, а также и нѣкоторыя сочиненія по этой же части другихъ авторовъ По окончаніи чтенія Шамиль сдѣлалъ слѣдующій отзывъ: *что все изложенное въ предлагаемой статьѣ относительно хода священной войны, относительно перв начальнаго проявленія и развитія муридизма (ученія тарыката) и относительно настоящаго значенія*

этого ученія въ Дагестанъ,—совершенно вѣрно, что иного смысла, а также политическаго и сколько нибудь воинственнаго характера, ученіе это совсѣмъ не имѣло; что онъ, Шамиль, никогда муршидомъ не былъ; также точно, какъ и предшественникъ его Гамзатъ-Бекъ и проч. и проч.

Но, не приводя теперь всѣхъ подробностей этого удостовѣренія, по той причинѣ, что онѣ будутъ постепенно обозначаться въ самой статьѣ, мы упомянемъ еще объ одномъ только указаніи, которое, какъ намъ кажется, заключаетъ въ себѣ причину всѣхъ открывшихся противорѣчій.

Въ названной выше статьѣ г. Казембека «Шамиль и муридизмъ», на страницахъ 202—203, между прочимъ сказано:

. . . . «Монашеское братство на мусульманскомъ Вос«токѣ впервые носило имя муридовъ, и кромѣ монашеска«го сословія, были частные муриды: этихъ было числомъ «гораздо болѣе. Люди, достигнувъ болѣе или менѣе высо«каго значенія въ тарыкатѣ и не принадлежа ни къ ка«кому оффиціальному ордену,—имѣли муридовъ. Изъ чи«сла этихъ духовныхъ, бухарскіе *ишаны*, происходящіе «преимущественно отъ Имами-Раббаки-Шейхъ-Ахмеда, имѣ«ли и нынѣ имѣютъ муридовъ во всемъ Туркистанѣ и въ «мусульманской Индіи. Ишанъ Сахибъ-заде-Гуфранулахъ, «около двадцати лѣтъ тому назадъ пріѣзжавшій къ рос«сійскому двору въ качествѣ посланника отъ хакандскаго «хана и нынѣ проживающій въ Бухарѣ,—имѣетъ около «40,000 муридовъ въ Туркистанѣ и между русскими та-

«тарами, которые его уважаютъ и почитаютъ искренно. «Но въ этомъ муридизмѣ нѣтъ тѣни и злоумышленія: онъ «основанъ на безвредныхъ и даже полезныхъ началахъ «тарыката».

По увѣренію Шамиля, *ученіе тарыката, перешедшее въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Дагестанъ,— не имѣло, ни въ основаніи своемъ, ни въ наружномъ проявленіи, и тѣни злоумышленія, а напротивъ, основано было именно на «полезныхъ» началахъ.*

Сказавъ это, мы снова обращаемся къ предлагаемой нами статьѣ.

Выступая въ ней противъ утвердившихся въ публикѣ понятій, мы рѣшаемся на этотъ важный шагъ по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, сообщаемыя Шамилемъ подробности слишкомъ важны для исторіи Кавказа, открывая во всемъ дѣлѣ новую сторону, и уже по одному этому заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія науки, которое легко можетъ вызвать повѣрку имѣющихся у насъ историческихъ данныхъ. Во вторыхъ, причины, послужившія поводомъ къ противорѣчіямъ, выясняются здѣсь сами собою безъ особенной натяжки, а это самое даетъ возможность повѣрить тоже безъ большаго труда и новыя данныя, которыя такимъ образомъ тотчасъ же получатъ надлежащую оцѣнку. Наконецъ, самъ Шамиль живетъ еще между нами, да и доступъ въ Дагестанъ, гдѣ ученіе тарыката продолжаетъ еще существовать, теперь открытъ для всѣхъ; а эти условія дѣлаютъ повѣрку излагаемыхъ здѣсь свѣдѣній еще болѣе легкою, съ чѣмъ вмѣстѣ и окончатель-

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ГОРОДСКАЯ СВЯЗОЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА

ное заключеніе о мюридизмѣ и газаватѣ будетъ вполнѣ основательно и логично.

За тѣмъ намъ остается только принять на себя отвѣтственность въ правильной передачѣ сообщенныхъ Шамилемъ свѣдѣній, что мы и дѣлаемъ очень охотно.

Жизнь государствъ и народовъ обыкновенно складывается постепенно изъ хода историческихъ событій, подготовляющихъ другъ друга и за тѣмъ уступающихъ одно другому свое мѣсто. Но встрѣчаются въ жизни почти каждаго народа исключительныя явленія, которыя, не взирая на кратковременность своего существованія,—производятъ въ странѣ такой переворотъ, какого не могла подготовить постепенность тысячелѣтій.

Въ государствахъ живущихъ сознательною жизнію, такія явленія по большей части истекаютъ изъ той же постепенности и только служатъ вѣрнымъ выраженіемъ стремленія народа достигнуть извѣстной степени цивилизаціи путемъ кратчайшимъ, помимо препятствій, поставляемыхъ благоразумною, а иногда излишнею осторожностію правительствъ, неудачно-выбранною системою правленія, рѣзковыдающимся эгоизмомъ отдѣльныхъ лицъ и нѣкоторыми другими фактами, истощающими терпѣніе націи и поставляющими ее въ положеніе всадника, который, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ неизбѣжною опасностію, избираетъ единственное средство къ спасенію—рѣшительный скачокъ черезъ барьеръ.

Скачокъ этотъ цивилизированными націями совершается, какъ мы уже сказали, сознательнымъ образомъ, съ разум-

ною цѣлію—достигнуть извѣстныхъ результатовъ, способныхъ болѣе или менѣе улучшить положеніе большинства. Но ничего подобнаго нельзя встрѣтить у народовъ невѣжественныхъ и особливо у исповѣдующихъ исламъ. Деспотизмъ, обыкновенно идущій объ-руку съ рабствомъ,—вмѣстѣ съ нимъ поселился въ крови мусульманъ и въѣлся въ самыя кости ихъ. Всасывая съ молокомъ матери-невольницы рабство, мусульманинъ дѣлается, подобно отцу—деспотомъ для кружка подчиненнаго его вліянію и въ тоже время остается рабомъ для каждаго, кто старше или сильнѣе его. Отъ этого, входя въ политическую свою жизнь «исключительныя явленія», о которыхъ мы упомянули, мусульманскія націи никогда не разчитываютъ на радикальныя перемѣны: онѣ перемѣнятъ деспотовъ, но ни за что не выйдутъ изъ-подъ ига деспотизма. Дорожа правомъ тиранніи надъ младшими, мусульманинъ охотно переноситъ тираннію старшаго деспота и выходитъ изъ этого усыпленія только въ то время, когда злоупотребленіе власти превышаетъ всякую мѣру терпѣнія.

Но это случается довольно-рѣдко, потому что восточные властители тиранствуютъ систематически, употребляя слишкомъ рѣзкія выходки только противъ отдѣльныхъ лицъ, и тщательно избѣгая этого въ отношеніи цѣлаго общества или большинства его. Если-жъ это и случится, то обыкновенно все дѣло кончается тѣмъ—что народъ перерѣжетъ старыхъ тирановъ, но тотчасъ же поставитъ на ихъ мѣсто новыхъ—и за тѣмъ успокоится, въ надеждѣ, что они, памятуя недавній урокъ, быть можетъ и будутъ воздержигать себя въ продолженіи двухъ, трехъ поколѣній.

Впрочемъ извѣстно, что у восточныхъ народовъ не существуетъ ни общества, ни общественнаго мнѣнія; поэтому мы и не видѣли со стороны мусульманскихъ націй стремленія къ переворотамъ, способнымъ измѣнить порядокъ вещей, установившійся одномременно съ религіею; а тѣ исключительныя явленія, о которыхъ мы знаемъ и которыя могли бы служить выраженіемъ подобнаго стремленія,—относятся за самыми рѣдкими исключеніями, отнюдь не къ уничтоженію рутины, а, напротивъ, къ утвержденію, или къ возстановленію ея.

Къ числу такихъ исключеній можно отнести тотъ эпизодъ въ жизни восточнаго Кавказа, который извѣстенъ намъ подъ именемъ *газавата*, или священной войны. Многимъ покажется быть можетъ непонятнымъ—какимъ образомъ кавказскія племена, жившія спокон-вѣка слишкомъ замкнутою жизнію и слѣдовательно, по умственному развитію стоявшія далеко ниже другихъ мусульманскихъ націй,—могли бы питать стремленія, присущія народамъ болѣе или менѣе знакомымъ съ цивилизаціею? Чтобы понять это, стоитъ только припомнить—что образъ правленія, или пожалуй, самоуправленія, существующій у народовъ совершенно дикихъ, содержитъ въ себѣ республиканскаго начала гораздо болѣе, нежели деспотическаго. Тоже самое было замѣтно между племенами восточнаго Кавказа, гдѣ у чеченцевъ, на примѣръ, какъ горныхъ, такъ и населяющихъ плоскости, у ичкеринцовъ, у хиндалялцовъ (независимая Аварія и Койсубу) и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ, до Шамиля почти безграмотныхъ и всегда жившихъ въ полудикомъ состояніи, республиканское начало

проявлялось самымъ ощутительнымъ образомъ, тогда какъ средѣ ихъ—кумыки и казыкумыки, стоявшіе относительно на болѣе высокой степени развитія,—постоянно находились подъ игомъ ханскаго деспотизма, отъ котораго по видимому не внушали имъ желанія освободиться никакія жестокости и насилія ихъ тирановъ. Если-жь и были попытки въ этомъ родѣ, то онѣ проявлялись слишкомъ слабо, имѣли форму частнаго случая и прекращаемыя въ началѣ,—всегда влекли за собою множество жертвъ, за которыми стояла все та же тиранія, только въ обновленномъ видѣ, то есть болѣе утонченная. Наконецъ единственная капитальная попытка къ перевороту въ Дагестанѣ послѣдовала со стороны не тѣхъ племенъ, которыя были угнетены и которыя отличались бо́льшею степенью образованія,—а именно со стороны тѣхъ, которыя совсѣмъ не были знакомы съ цивилизаціею.

Обращаясь къ этой попыткѣ, мы должны замѣтить, что распространенныя у насъ свѣдѣнія о развитіи въ Дагестанѣ *мюридизма*, который считается главнѣйшею и даже единственною причиною возникшей тамъ священной войны, отличаются особенною добросовѣстностію и даже достаточно подробны для того, чтобы составить по нимъ болѣе или менѣе полное понятіе объ этомъ видоизмѣненіи ислама. Но будучи пріобрѣтены въ военное время, которое какъ извѣстно, вовсе не благопріятствуетъ наукѣ, и притомъ изъ источниковъ не всегда достовѣрныхъ,—свѣдѣнія эти внушаютъ по временамъ довольно сильное сомнѣніе въ непогрѣшимости нѣкоторыхъ заявляемыхъ ими фактовъ.

Въ этомъ случаѣ подробности, сопровождавшія первоначальное проявленіе газавата, особенно подозрительны: въ различныхъ сочиненіяхъ онѣ описаны хотя и одинаковымъ образомъ, но въ тоже время съ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что въ каждомъ изъ нихъ замѣтны неполности и частыя недомолвки, обличающія въ авторахъ все ту же добросовѣстность, которая, останавливаясь передъ фактомъ сомнительнымъ,—боится произнести рѣшительное о немъ слово.

Сколько намъ кажется, недостатокъ этотъ образовался въ слѣдствіе того, что писатели наши, излагая сущность и подробности перешедшаго въ Дагестанъ ученія мюридизма, или вѣрнѣе, ученія тарыката, придавали ему чисто политическій характеръ, который дѣйствительно лежитъ въ основаніи его и который въ самомъ дѣлѣ ученіе это носило всегда и вездѣ, куда ни проникало. Между тѣмъ въ Дагестанѣ ученіе это, по увѣренію Шамиля, не имѣло никакого политическаго значенія, а было принято во всей первобытной своей чистотѣ, или иначе—въ той чисто монашеской, чуждой мірскихъ дѣлъ формѣ, какую проповѣдники ученія старались придать ему хотя по наружности.

Показаніе это даетъ нѣкоторый смыслъ высказанному нами сейчасъ предположенію, и если справедливость его подтвердится подробнѣйшими изслѣдованіями на мѣстѣ,—тогда установившійся у насъ взглядъ на бывшую священную войну и на ея причины безъ сомнѣнія долженъ значительно измѣниться.

Для бо́льшаго уразумѣнія сообщенныхъ Шамилемъ по этому предмету свѣдѣній, нужно сначала сказать нѣсколько

пояснительныхъ словъ о проповѣдникахъ и о послѣдователяхъ муридизма *въ Дагестанѣ*, которые, судя по словамъ Шамиля, часто играютъ въ сочиненіяхъ нашихъ писателей роли совсѣмъ имъ не принадлежащія.

Нужное намъ объясненіе, нѣкоторое своею частію, уже было изложено въ статьѣ «Кодексъ Шамиля» (*), гдѣ указано различіе между муридами—послѣдователями ученія тарыката, и муридами, составлявшими учрежденіе собственно Шамиля. Чтобы сообщить болѣе полное понятіе о цѣломъ предметѣ, мы повторимъ здѣсь часть того, что было сказано въ «Кодексѣ».

По объясненію нашихъ ученыхъ, «муршидъ» есть наставникъ въ правилахъ тарыката или человѣкъ «указующій истинный путь», а «муридъ» есть человѣкъ, «желающій слѣдовать по этому пути».

Собственно въ этомъ смыслѣ мы понимали значеніе и *дагестанскихъ* муридовъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ считали воинами, распространителями газавата. Но Шамиль говоритъ объ этомъ совсѣмъ иначе. Онъ говоритъ—что кромѣ муридовъ, послѣдователей ученія (тарыката), которыхъ онъ такъ и называетъ «муридами тарыката»,—въ Дагестанѣ были еще другіе мурцды, которыхъ уже слѣдуетъ обозначать не «учениками», а «исполнителями», «приближенными» или «близкими людьми». Этихъ послѣднихъ онъ называетъ *наибскими муридами*.

Чтобы сдѣлать понятною эту разницу, нужно объяснить обязанности каждаго изъ этихъ муридовъ, а также

(*) Военный Сборникъ 1862 года № 2.

и условія, въ которыхъ находились люди, принимавшіе на себя эти званія.

Муридомъ по тарыкату въ Дагестанѣ могъ сдѣлаться всякій желающій, безъ различія возраста, состоянія и умственныхъ способностей. Онъ только долженъ былъ явиться къ проповѣднику тарыката и объявить ему свое желаніе посвятить себя этой «наукѣ». Отказа въ этихъ случаяхъ никогда не бывало, и прозелитъ тотчасъ же получалъ наставленіе—какъ долженъ держать себя человѣкъ, желающій идти по стопамъ пророка и удостоиться блаженства въ будущей жизни, отказавшись отъ блеска и приманокъ настоящей. Сверхъ того, ему называли книги, которыя слѣдуетъ теперь читать и указывали въ нихъ мѣста, на которыя нужно обращать особенное вниманіе.

Съ этой минуты онъ принималъ названіе мурида и посвящалъ всю свою жизнь единственно изученію тарыката. Разорвавъ, согласно настоящаго смысла ученія, всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ, онъ удалялся отъ всего, что напоминало житейскую суету вообще, а войну въ особенности. Только изрѣдка являлся онъ къ своему учителю для бесѣды и для разъясненія представлявшихся ему недоразумѣній.

Понятно, что муридами тарыката дѣлались люди не особенно храбрые и еще тѣ, которые отъ природы были ужъ черезъ-чуръ набожны. Покрайней мѣрѣ, за время Шамиля, изученіемъ тарыката въ Дагестанѣ занимались, по словамъ одного изъ членовъ семейства плѣнника, за самыми рѣдкими исключеніями, только лѣнтяи, дармоѣды и въ особенности трусы; а тѣ, которые представляли собою исклю-

ченіе изъ этого правила, обыкновенно бросали свой тарыкатъ и являлись въ рядахъ войскъ и даже въ рядахъ наибскихъ муридовъ.

Совсѣмъ другаго рода человѣкъ былъ «наибскій муридъ» и столь же различны были условія его быта и обязанности, которыя онъ на себя принималъ. Званіе это могъ получить далеко не всякій желающій: для этого необходимо было, чтобы наибъ зналъ его лично, или чтобъ удостовѣреніе о немъ представило общество, къ которому онъ принадлежитъ. За тѣмъ, всѣ познанія его въ книжной мудрости ограничивались чтеніемъ корана (что впрочемъ при Шамилѣ вмѣнялось въ обязанность каждому мусульманину и даже женщинамъ) и сознаніемъ необходимости газавата; а всѣ его достоинства физическія и моральныя, должны были заключаться въ отсутствіи физическихъ недостатковъ, препятствующихъ владѣть оружіемъ, и въ слѣпомъ повиновеніи своему наибу, какъ бы безчеловѣчны и нелѣпы его приказанія ни были. Вотъ все, что отъ него требовалось.

За свою службу при наибѣ, мурид̀ъ получалъ отъ него все, что необходимо для существованія и для участія въ войнѣ. Ему давали лошадь, оружіе и одежду, если онъ въ нихъ нуждался. Иногда наибы содержали и все семейство мурида. У самого Шамиля это принято было вездѣ-дашнимъ правиломъ (*).

(*) На иждивеніи Шамиля жили 132 человѣка муридовъ, составлявшихъ постоянную его стражу, семейства нѣкоторыхъ наибскихъ муридовъ, множество нищихъ и увѣчныхъ горцевъ съ ихъ семействами и всѣ бѣглые русскіе солдаты, проживавшіе въ Веденѣ; всего счетомъ до 2,000 душъ.

Такія условія составляли вѣрную приманку для людей, которымъ нечего было ѣсть, или нечего было терять. Но впрочемъ и люди богатые шли въ муриды чуть ли еще не съ бо́льшею охотою, имѣя въ виду удовлетвореніе честолюбія, потому что служба муридовъ считалась самою почетною въ краѣ, а сами муриды, особливо состоявшіе лично при Шамилѣ, если не пользовались особенною популярностію, то одним видомъ своимъ внушали страхъ самимъ наибахъ.—Отсюда начало той храбрости, которая свойственна однимъ наибскимъ муридамъ, и той собачьей преданности, которую питали они къ наибахъ, умѣвшимъ поддерживать ее.

Однимъ словомъ, это были тѣ самые «частные» муриды, о которыхъ упоминаетъ г. Казембекъ въ названномъ сочиненіи, и о слѣпой преданности которыхъ своему начальнику, въ томъ же сочиненіи на страницѣ 223 приведенъ интересный анекдотъ изъ крестовыхъ походовъ; но только дагестанскіе муриды казались нѣсколько выродившимися, что конечно произошло въ слѣдствіе мѣстныхъ условій и еще той причины, о которой мы упомянули выше.

Число наибскихъ муридовъ въ Дагестанѣ не превышало 550 человѣкъ. Изъ нихъ 132 состояли лично при Шамилѣ, а остальные находились въ распоряженіи наибовъ и мудировъ (*), имѣвшихъ у себя отъ пяти до двадцати муридовъ. Эти цифры съ своей стороны подтверждаютъ догадку, что *муридизмъ* едва ли былъ настоящею, или по-крайней-мѣрѣ главною причиною газавата.

(*) Мудиръ—нѣчто въ родѣ генералъ-губернатора. Это званіе, также какъ и званіе наиба, учреждено было Шамилемъ.

При первыхъ двухъ имамахъ муридовъ этихъ не существовало: они составляютъ учрежденіе собственно Шамиля. Идея этого учрежденія, дѣйствительно заимствованная имъ изъ преданій первыхъ временъ исламизма, получила примѣненіе въ слѣдствіе явной необходимости имѣть подъ рукою у имама и у ближайшихъ его помощниковъ, людей вѣрныхъ и вполнѣ способныхъ къ безотлагательному исполненію различныхъ мѣръ, требуемыхъ исключительнымъ положеніемъ страны и разнородностію элементовъ ея населенія.

Это и было настоящее назначеніе муридовъ: религіозной цѣли здѣсь не было ни-на-волосъ; политической тоже. Это было просто административное учрежденіе, въ родѣ полиціи, почетной стражи, пожалуй даже преторіянской гвардіи.

Послѣ этого нельзя не согласиться, что шамилевскіе муриды не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ муридами-послѣдователями тарыката, которыхъ мы ошибочно признавали за распространителей священной войны въ Дагестанѣ. Первые изъ нихъ, какъ порожденіе *газавата* (а не тарыката), дѣйствительно исчезли съ лица земли вмѣстѣ съ газаватомъ и съ званіемъ имама. Но муриды по тарыкату, которые суть не что иное, какъ наши по́слушники, или, пожалуй, кандидаты богословія,—существуютъ рѣшительно во всѣхъ сектахъ, разъединившихъ собою созданную Мухаммедомъ религію. Въ Дагестанѣ же они впервые появились въ концѣ десятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія вмѣстѣ съ Курали-Магомою, о которомъ мы сей часъ будемъ говорить.

По этому, называя вмѣстѣ съ нашими оріенталистами ученіе тарыката «ученіемъ муридизма», или просто «муридизмомъ», мы впадаемъ въ самую странную ошибку: слово «муридъ», какъ уже объ этомъ было сказано, въ тѣсномъ смыслѣ значитъ «искатель правильной дороги», а въ смыслѣ обширномъ—«ученикъ», «желающій учиться». Въ тоже время, слово «шаріатъ» значитъ «правильная дорога»; слѣдовательно, если ужь непремѣнно нужно назвать что нибудь муридизмомъ или ученіемъ муридизма, то скорѣе всего слѣдуетъ сдѣлать это въ отношеніи шаріата. Между тѣмъ и каждая изъ мусульманскихъ сектъ тоже называетъ своихъ проселитовъ муридами (*); а потому правильнѣе всего, какъ намъ кажется, назвать муридизмомъ не тарыкатъ, а общее ученіе ислама.

Переходя отъ муридовъ къ «муридизму», слѣдуетъ сказать, что ученіе тарыката, по-крайней-мѣрѣ то, которое существовало въ Дагестанѣ, отнюдь не опасно для спокойствія народовъ: если оно къ чему нибудь способно, то скорѣе способно сохранить миръ, нежели возбудить войну, потому что оно порождаетъ не воиновъ, а монаховъ. Доказательствомъ служатъ его требованія, во всемъ сходныя съ нашимъ монашескимъ обѣтомъ и въ Дагестанѣ исполнявшіяся съ буквальною точностію. Вотъ онѣ изъ устъ Шамиля, который въ настоящее время всѣми силами стремится къ разрѣшенію этой мудреной задачи: *какъ можно меньше говорить; ушамъ и глазамъ воли не да-*

(*) Точно также, какъ и всякій проповѣдникъ или преподаватель какого бы то ни было ученія называетъ ученика своего «своимъ муридомъ».

вать; какъ можно меньше пить; какъ можно меньше спать и какъ можно больше молиться Богу.

По смыслу *дагестанскаго* ученія, тарыкатъ представляетъ собою результатъ *буквальнаго выполненія* требованій шаріата. Достигнувъ этого совершенства съ помощію особыхъ молитвенныхъ пріемовъ, человѣкъ отрѣшается отъ всѣхъ узъ, соединяющихъ его съ міромъ. По этому смыслу, дагестанское ученіе не упоминаетъ ни однимъ словомъ о газаватѣ и ни однимъ словомъ не заявляетъ своего къ нему сочувствія. Напротивъ, оно строго предписываетъ своимъ послѣдователямъ удалиться отъ всего, что напоминаетъ войну; такъ, что дагестанскій мусульманинъ, выразившій желаніе принять ученіе тарыката, этимъ самымъ заявляетъ о своемъ отвращеніи къ браннымъ тревогамъ. Вотъ причина, по которой послѣдователи тарыката, хотя и пользовались со стороны прочихъ своихъ соотечественниковъ уваженіемъ, какъ люди ведущіе богоугодную жизнь и какъ ученые, проникнувшіе въ высшія сферы религіозныхъ истинъ, но самое ученіе тарыката, за исключеніемъ перваго времени своего проявленія, пользовалось въ Дагестанѣ популярностію далеко не общею, потому что прямо противорѣчило воинственнымъ наклонностямъ, свойственнымъ независимымъ дагестанскимъ племенамъ и въ особенности ихъ коноводамъ. Кромѣ того, нѣкоторыя истины тарыката отвергаются учеными другихъ сектъ и, наоборотъ, послѣдователи тарыката не всегда бываютъ согласны съ ученіемъ своихъ антагонистовъ. По этому между дагестанскими послѣдователями того и другаго ученія никогда не существовало особенной симпатіи; а

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ

напротивъ, видя въ ученіи тарыката явное противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ, ученые предводители народныхъ массъ постоянно смотрѣли на проповѣдниковъ тарыката, какъ на личныхъ своихъ враговъ, привлекающихъ къ себѣ тѣ десятки и сотни людей, которые съ большою пользою могли бы занять мѣста подъ ихъ знаменами. Нерѣдко къ проповѣдникамъ тарыката присоединялось и общественное мнѣніе: тогда народные предводители должны были считать вожственные свои главы окончательно разрушенными. Такъ точно это было съ Гази-Мухаммедомъ (Кази-Муллою), который, встрѣтивъ при самомъ началѣ газавата противодѣйствіе со стороны Джемалэддина (*), уже готовъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній и конечно сдѣлалъ бы это, если бы не былъ поддержанъ (**) Курали-Магомою (***). Обстоятельство это породило между ними ненависть, кото-

(*) Тесть Шамиля.

(**) Не надо забывать, что эта поддержка оказана была въ первое время распространенія тарыката.

(***) Такъ называютъ горцы втораго по счету дагестанскаго муршида, который намъ извѣстенъ подъ именемъ «кюринскаго кадія муллы-Магомета.» Обыкновенно горцы зовутъ другъ друга по имени, а вмѣсто фамиліи прибавляютъ или прозвище, данное въ слѣдствіе какой нибудь особенности (Денгау-Магома, Коръ-Эфенди и друг.), или названіе деревни и даже цѣлой страны, въ которой они родились, или которою управляли. Такимъ образомъ, Курали Магома (это по произношенію горцевъ; по правописанію же Курэли-Магома) значитъ—«Мухаммедъ Куринскій», или «Мухаммедъ изъ Куринскаго владѣнія». Страна эта неизвѣстно почему называется у насъ не *Куринскимъ* ханствомъ, а *Кюринскимъ*.—«Муллы Магомета», также точно, какъ и «Кюринскаго кадія муллы Магомета», горцы не знаютъ можетъ быть потому, что званія «муллы» въ Дагестанѣ нѣтъ, а есть «кадіи» и «дебиры». По этому, придерживаясь болѣе популярнаго имени этого человѣка, мы тоже будемъ его звать Курали-Магомою, а въ послѣдствіи Курали-Эфенди. Послѣдній эпитетъ «эфенди» всегда прибавляется къ имени или къ прозвищу очень ученыхъ или «большихъ» людей: онъ обозначаетъ ихъ званіе и вмѣстѣ съ тѣмъ почетіе, питаемое къ нимъ народомъ.

рую по словамъ Шамиля не прекратила и смерть Гази-Мухаммеда: Джемалэддинъ до сихъ поръ не простилъ его.

Короче сказать, ученіе тарыката, въ противность направленія, которое оно имѣетъ почти во всѣхъ мусульманскихъ территоріяхъ, въ Дагестанѣ лишилось всякаго политическаго оттѣнка: это былъ просто монашескій орденъ, сходный съ нашими монашескими орденами во всемъ, за исключеніемъ молитвенныхъ пріемовъ, которые кажутся намъ странными, впрочемъ ровно на столько же, на сколько наши молитвенные пріемы кажутся страннымъ послѣдователямъ другихъ исповѣданій. И потому, дагестанскій орденъ тарыката далеко не представляетъ собою той опасности для общественнаго спокойствія, какую представляютъ нѣкоторые другіе ордена, хотя бы напримѣръ, индійскіе *туги*, которые суть ни что иное, какъ монахи или муриды, только иной секты, иного ордена.

Дѣйствительная же опасность для Дагестана со стороны муридизма заключалась по словамъ Шамиля, отнюдь не въ ученіи тарыката, а въ общемъ ученіи ислама. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только прочитать коранъ: стремленіе къ прозелитизму и религіозная нетерпимость, рѣзко высказанныя на его страницахъ, вполнѣ подтверждаютъ слова нашего плѣнника. И дѣйствительно, не нужно углубляться въ слишкомъ «высокія» истины тарыката для того, чтобы возбудить газаватъ: семилѣтній мальчикъ, начиная учиться закону Божію, прежде всего получаетъ убѣжденіе, что нѣтъ Бога кромѣ «его» Бога, и что самое богоугодное на свѣтѣ дѣло заключается въ обращеніи всѣхъ «язычниковъ» къ исповѣданію этого Бога.

При такомъ условіи, правила тарыката, предлагающія своимъ послѣдователямъ даже «простить обиду ближнему» и даже «подставить ему свою лапиту», конечно не доступны большинству народа, погрязшаго въ невѣжествѣ и въ закоснѣлой необузданности нравовъ. Тѣмъ менѣе могутъ они быть по вкусу народнымъ предводителямъ—этимъ честолюбцамъ по природѣ и фанатикамъ съ первыхъ стиховъ корана.

Такимъ образомъ, знамя священной войны поднимали въ Дагестанѣ не муршиды—проповѣдники тарыката, а именно послѣдователи общаго ученія ислама, фанатики-алимы (*), которые, по выраженію Шамиля, называются «муршидами» только въ русскихъ книгахъ, потому, что по убѣжденію дагестанцовъ, муршидъ не можетъ быть народнымъ предводителемъ, точно такъ же какъ и народный предводитель не можетъ быть муршидомъ. Это не мѣшало однако писателямъ нашимъ называть муршидомъ не только Шамиля, но даже и Гамзатъ-Бека; тогда какъ ни тотъ, ни другой муршидами не были, и хотя первый изъ нихъ дѣйствительно изучалъ тарыкатъ у извѣстнаго старика Джемалэддина и даже былъ однимъ изъ ученѣйшихъ муридовъ, но все-таки муршидомъ онъ не могъ быть; во первыхъ потому, что прежде его получилъ это званіе Гази-Мухаммедъ, а по уставу тарыката (**), двухъ муршидовъ-наставниковъ въ одной области не можетъ быть (***); во

(*) Алимъ—испорченное *улемъ*—«ученый».

(**) По-крайнѣй-мѣрѣ, по уставу тарыката *Дагестанскаго*.

(***) Гази-Мухаммедъ и Шамиль были уроженцы селенія Гимра́, гдѣ и имѣли постоянное мѣсто жительства.

вторыхъ же потому, что взявшись за газаватъ, онъ этимъ самымъ отвергнулъ ученіе тарыката. Точно тоже было и съ Гази-Мухаммедомъ, который, какъ мы это увидимъ ниже, уже получивъ званіе муршида, отказался и отъ него и отъ самаго ученія тарыката, признавая ученіе шаріата о газаватѣ болѣе удовлетворяющимъ требованіямъ религіи.

Въ заключеніе переданныхъ Шамилемъ подробностей, слѣдуетъ сказать послѣднее слово о шаріатѣ. Этотъ сводъ гражданскихъ законовъ составленъ въ такомъ воинственномъ духѣ, что переданный въ руки человѣка съ большими способностями, онъ обращается въ весьма грозное оружіе, и у народовъ, незнакомыхъ съ европейскимъ просвѣщеніемъ, замѣняетъ многочисленныя массы войска, артиллерію и всевозможныя средства къ продолжительной и упорной войнѣ.

Теперь обратимся къ муршидамъ.

Муршидъ дѣйствительно есть проповѣдникъ тарыката, преподающій это ученіе тѣмъ способомъ, который въ подробности описываютъ наши ученые (*); но въ Дагестанѣ это былъ почтенный отшельникъ, неимѣвшій ничего общаго съ проповѣдниками общаго ученія ислама, изъ среды которыхъ дѣйствительно выходятъ предводители, подобные Гази-Мухаммеду и Шамилю. Сверхъ того, приписываемая ученіемъ тарыката *нѣкоторымъ*, наиболѣе благочестивымъ муршидамъ *сверхъ-естественная сила* принимается дагестанцами за наличную монету, и они составили убѣжденіе, что способность ясно-

(*) Изъ нихъ г. Хановъ первый познакомилъ публику съ подробностями этого ученія.

видѣнія и даже просто способность дѣлать чудеса принадлежитъ *каждому* изъ мурипдовъ, и совершенно недоступна для послѣдователей и проповѣдниковъ общаго ученія ислама. Убѣжденіе это, вмѣстѣ съ прочими излагаемыми здѣсь подробностями, служитъ окончательнымъ подтвержденіемъ того—что ученіе тарыката, водворившись на Кавказѣ, измѣнило свой нормальный характеръ, сообразно характера страны и ея склоннаго къ мистицизму населенія.

Что касается названной выше способности мурипдовъ, то въ дагестанскомъ ученіи тарыката она стоитъ чуть ли не на первомъ планѣ. Объяснимъ это явленіе такъ, какъ оно вышло изъ устъ Шамиля.

Сверхъ-естественная сила проявляется въ мусульманахъ тремя видами, которые носятъ слѣдующія названія: *гышькулла* (по указанію г. Казембека «хышьѣтулла»), *зульмáтъ* и *каламáтъ*.

Гышькулла—въ буквальномъ переводѣ значитъ «любовь къ Богу» (*). Она можетъ быть достояніемъ каждаго, кто только «любитъ Бога»; и чѣмъ сильнѣе эта любовь, тѣмъ глубже пускаетъ свои корни болѣзнь; или другими словами: чѣмъ чаще устремляетъ человѣкъ свои мысли къ Богу, чѣмъ чаще предается молитвѣ и чтенію духовныхъ книгъ,—тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе бываютъ пароксизмы.

Наступленіе ихъ обыкновенно случается въ то время, когда молящійся, окончивъ чтеніе книгъ, начинаетъ призываетъ имя Божіе, что продолжается по нѣскольку часовъ безъ отдыха. Возвышая постепенно голосъ и устремляя

(*) Еще ближе: страхъ смѣшанный съ любовью.

свои мысли въ мѣста горнія,—«больной» (иначе нельзя назвать такого человѣка) отрѣшается напослѣдокъ отъ всего земнаго, или, по словамъ самого Шамиля, «зачитывается» и съ дикимъ воплемъ «Аллахъ»! падаетъ въ обморокъ. Это послѣднее состояніе называется *джязбэ*—«влеченіе духа къ Божеству». Бывали примѣры, когда обморокъ оканчивался смертію, что и случилось въ Дагестанѣ съ Хаджи-Абдуллой изъ Ширвана, который умеръ произнеся послѣднее слово «любви».

Въ продолженіе обморока нѣкоторые, конечно болѣе любимые Богомъ, удостоиваются видѣть рай, адъ и всѣ подробности загробной жизни, а также пророковъ и ангеловъ, посылаемыхъ верховнымъ существомъ для бесѣды съ ними, и даже самого Бога.

Этимъ самимъ припадкомъ въ высокой степени одержимъ былъ пророкъ Мухаммедъ, написавшій (или вѣрнѣе—продиктовавшій) весь коранъ именно подъ вліяніемъ видѣній, сопровождавшихъ пароксизмы его болѣзни.

Другая степень религіознаго недуга, *зульматъ*, значитъ «темнота», «потемнѣніе». Есть у нея еще другое названіе, имѣющее одинаковый смыслъ съ первымъ,—*касаватъ*,—но оно въ Дагестанѣ мало извѣстно. Зульматъ есть ни что иное, какъ каталептическій припадокъ, происходящій въ слѣдствіе болѣзненнаго предчувствія, развивавшагося внезапно и въ самой сильной степени. Человѣкъ, одержимый этимъ недугомъ, есть избранникъ Божій. Впрочемъ, онъ можетъ пребывать не въ однихъ проповѣдникахъ или послѣдователяхъ ислама, но и въ каждомъ неповѣрцѣ, если только онъ отличается строгимъ образомъ

жизни, особеннымъ усердіемъ въ выполненіи самыхъ мельчайшихъ требованій религіи и безпрестаннымъ чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія. Это напряженное состояніе ума, при всегдашнемъ воздержаніи (*) и при отсутствіи моціона,—дѣйствительно способно породить припадки, подобные зульмату. Но мусульмане, какъ самые плохіе матеріалисты, не объясняютъ себѣ этого явленія логическими выводами, а приписываютъ его сверхъ-естественной силѣ, выражающей особенное благоволеніе Творца къ людямъ, слѣпо исполняющимъ его законъ.

Всѣ эти достоинства мусульманскаго ученаго, увеличенныя до невозможности и разцвѣченныя особыми оттѣнками, составляютъ *карамать*—принадлежность *муршида*.

Муршидъ, какъ мы уже сказали, есть мирный монахъ, посвятившій всю свою жизнь созерцанію божественныхъ истинъ и поддерживающій сношенія съ внѣшнимъ міромъ только посредствомъ учениковъ своихъ. Съ самаго рожденія отмѣченный рукою судьбы, будущій муршидъ идетъ посреди мірской суеты наравнѣ съ прочими людьми до тѣхъ поръ, пока не настанетъ его часъ. Объ этомъ времени онъ узнаётъ или чрезъ призваніе наставникомъ, которому по указанію свыше назначено поучать его, или по внутреннему голосу, зовущему его часто въ край невѣдомый. Голосъ этотъ наружнымъ образомъ проявляется въ видѣ той степени болѣзни гышькулла, о которой было сказано

(*) Шамиль напримѣръ, постится каждую недѣлю два раза: въ понедѣльникъ и четвергъ. Этотъ постъ онъ держитъ не по уставу и не по обѣщанію, а изъ особеннаго усердія къ религіи.

выше и которая называется «джязбэ». Присутствіе этой способности въ человѣкѣ обозначаетъ призваніе его къ тарыкату: это будущій муридъ. Достигая полнаго своего развитія, джязбэ обращается наконецъ въ *зульматъ* (болѣзненное предчувствіе), которая въ свою очередь обращается въ *караматъ* «(ясновидѣніе», «прозорливость») и рекомендуетъ собою человѣка вступившаго въ область хякиката, то-есть рекомендуетъ муршида. Съ этого времени, такой человѣкъ становится чистымъ какъ стекло, и въ свою очередь видитъ, какъ черезъ стекло, всѣ помыслы людей, не только входящихъ съ нимъ въ сношенія, но и отсутствующихъ, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ. Изъ числа послѣднихъ, при встрѣчѣ онъ узнаетъ по имени людей доброжелательныхъ и обходится съ ними ласково, сообразно ихъ душевныхъ качествъ; отъ людей же дурныхъ, питающихъ какіе либо недобрые замыслы, старается заблаговременно удалиться, а если этого исполнить невозможно, то не задумываясь обличаетъ ихъ намѣренія или дѣла. Способность эта есть та самая *прозорливость*, которую христіанскія преданія приписываютъ нѣкоторымъ угодникамъ, а также и юродивымъ.

Независимо чудесъ своей прозорливости, муршиды совершаютъ, по мѣрѣ надобности, для обращенія невѣрныхъ или для поученія порочнымъ, чудеса и въ полномъ значеніи этого слова. Но такъ какъ, по смыслу религіи, способность совершать чудеса—«*мугджизатъ*» принадлежитъ однимъ лишь пророкамъ (Аврааму, Іосифу, Іисусу—Христу и др.), то чудеса совершаемыя муршидами, какъ бы изумительны они ни были, называются не мугджизатъ,

1460
ОПОЛ... ОБС... БЛІОТЕКА.

а все также «караматъ». Главнымъ чудомъ мусульмане считаютъ коранъ: никто не въ состояніи написать такихъ высокихъ истинъ и притомъ такъ изящно, какъ изложены онѣ въ коранѣ. «Много было, говоритъ Шамиль, невѣрующихъ верхоглядовъ, которые брались за это дѣло, но всѣ они оставляли его съ великимъ посрамленіемъ».

Муршидъ старается всѣми силами окружить свою Богомъ данную способность глубокою тайною и, какъ сказано выше, обнаруживаетъ ее только по мѣрѣ крайней надобности. Тѣмъ не менѣе, слухъ о ней разносится по лицу земли свидѣтелями какого нибудь чуда, или бывшими учениками муршида, всегда указывающими на него, какъ на свѣтило, отъ котораго желающіе могутъ заимствоваться гораздо бо́льшимъ свѣтомъ, нежели отъ нихъ.

Въ сущности, муршидъ есть начальникъ разсѣяннаго на извѣстномъ пространствѣ земли монашескаго ордена, или вѣрнѣе, монашеска́го «кружка», и въ этомъ смыслѣ онъ даже представляетъ собою большое сходство съ генераломъ ордена іезунтовъ. Но только, по смыслу ученія *дагестанскаго*, муршидъ не можетъ имѣть никакого самостоятельнаго политическаго значенія.

Обязанный служить совѣтомъ или наставленіемъ каждому кто только попроситъ его, дагестанскій муршидъ отвѣчаетъ и на политическіе вопросы, при чемъ даже случалось, что пользуясь выгодными условіями человѣка въ которомъ нуждаются,—онъ соображалъ требуемый отвѣтъ съ собственными обстоятельствами, или съ положеніемъ своей страны. Но во всякомъ случаѣ, вліяніе его тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда изрекаемыя имъ сен-

тенціи вполнѣ согласуются съ планами и намѣреніями народныхъ предводителей. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить и Курали-Магома давшій разрѣшеніе Гази-Мухаммеду на газаватъ, и тесть Шамиля Джемалэддинъ, который пользуясь большимъ уваженіемъ въ народѣ, а также и со стороны обоихъ имамовъ,—въ эпоху существованія въ Дагестанѣ газавата, никогда не имѣлъ на политическія дѣла ни малѣйшаго вліянія, потому что постоянно былъ противъ газавата, отъ котораго удерживалъ и Гази-Мухаммеда и Шамиля (*).

При жизни муршиды зовутся «шейхами» (**); по смерти же они, какъ люди находившіеся подъ дѣйствіемъ хякиката, то есть, представлявшіе собою совершенство человѣческаго существа, признаются святыми и имена ихъ вписываются въ особую книгу. Могилы ихъ тоже пользуются большимъ уваженіемъ и привлекаютъ къ себѣ множество поклонниковъ, какъ напримѣръ въ аулѣ Сугратль могила того же Курали-Магомы.

Будущаго муршида настоящій муршидъ видитъ за тридевять земель: часто не зная его въ лицо и, по видимому, не имѣя понятія о его существованіи, онъ знаетъ его по имени и дѣлая въ послѣдствіи муршидомъ кого нибудь изъ своихъ учениковъ, онъ приказываетъ «передать тарыкатъ» (***) такому-то, котораго видитъ его духовный глазъ.

(*) То и другое будетъ видно ниже.

(**) *Шейхъ* значитъ *старшина*. Слово это употребляется во всѣхъ категоріяхъ примѣчательныхъ людей: въ смыслѣ науки, религіи, народнаго управленія. Въ нѣкоторыхъ странахъ *шейхъ* значитъ просто начальникъ.

(***) «Передать тарыкатъ»—технический терминъ; онъ означаетъ: научить такого-то правиламъ тарыката, съ разрѣшеніемъ назначать новаго муршида.

Муршидъ никому не отказываетъ въ поученіи; но слѣдуя указаніямъ своей прозорливости, онъ ясно видитъ къ чему именно направлены способности его учениковъ и что изъ нихъ можетъ выдти. Приподнявъ на головѣ ученика чалму, внимательно осмотрѣвъ его голову и съ такимъ же вниманіемъ посмотрѣвъ ему въ глаза, муршидъ узнаетъ самыя сокровенныя его мысли и все его будущее, и на этомъ основаніи, однихъ онъ дѣлаетъ своими муридами, «учениками», а другимъ отказываетъ, говоря—что пользы имъ отъ него не будетъ; при чемъ совѣтуетъ—или совсѣмъ отказаться отъ намѣренія изучить тарыкатъ, или обратиться для этого къ другому наставнику, отъ котораго по его убѣжденію, они могутъ получить пользу.

Руководясь тою же прозорливостію, муршидъ передаетъ свое званіе отнюдь не каждому изъ своихъ учениковъ, а только тѣмъ, кто по его соображенію отмѣченъ рукою судьбы, то есть одаренъ тою способностію, которую имѣетъ онъ самъ. Такихъ, конечно немного. Избраннику муршидъ передаетъ свои права и назначаетъ муршидомъ же въ какую нибудь область, для дальнѣйшаго распространенія тарыката. Прочіе же муриды по окончаніи курса дѣлаются обыкновенными монахами (только женатыми), и при строгомъ соблюденіи правилъ своего ученія, пользуются уваженіемъ соотечественниковъ, но никакихъ правъ и ни малѣйшаго вліянія не имѣютъ. Иногда, смотря по мѣрѣ надобности, *главный* муршидъ назначаетъ изъ нихъ, помощниковъ *областному* муршиду. Такой помощникъ называется *маазунъ*, или хамефъ (*).

(*) Послѣднее названіе въ Дагестанѣ не употребилось.

По смерти главнаго муршида, мѣсто его занимаетъ тотъ изъ областныхъ, кого передъ смертію онъ назначитъ. Если же этого назначенія не было, то главнымъ муршидомъ дѣлается старшій изъ учениковъ покойника. Точно тоже соблюдается относительно областныхъ муршидовъ.— Но если во всей странѣ былъ одинъ только муршидъ и онъ умирая не назначилъ себѣ преемника,—то званіе муршида совсѣмъ исчезаетъ въ этомъ краѣ. Вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и самое ученіе: оно не можетъ существовать безъ муршида, потому что при этомъ условіи не будетъ проповѣдниковъ, которые назначаются единственно по вдохновенію муршидскаго карамата.—Такой случай предстоитъ теперь: старикъ Джемалэддинъ есть послѣдній муршидъ въ Дагестанѣ.

По смыслу дагестанскаго ученія, муршидомъ можетъ быть человѣкъ *совсѣмъ неграмотный*, потому что вся сила главнѣйшимъ образомъ заключается не въ учености, а въ избраніи свыше, въ прозорливости избранника, который при помощи этого дара и усиленной молитвы способенъ пріобрѣсти самыя отвлеченныя познанія и сдѣлаться ученѣе ученѣйшаго грамотѣя.

До вступленія въ магическій кругъ тарыката, отъ будущаго муршида не требуется также и особенныхъ *добродѣтелей* или затворическаго образа жизни: все это по убѣжденію дагестанскихъ мусульманъ, придетъ само собою при первомъ столкновеніи его *съ карамато̀мъ его наставника.* До тѣхъ же поръ избранникъ этотъ живетъ также точно, какъ и всѣ люди: онъ не чуждъ ихъ слабостей и, смотря по общественному своему положенію,

проводитъ жизнь въ кругу праздной молодежи, или посреди великолѣпія развращеннаго ханскаго двора, гдѣ нерѣдко и самъ заражается пороками.

Изъ этого описанія можно видѣть—что условія которыми были окружены въ Дагестанѣ тарыкатъ, его проповѣдники и послѣдователи, весьма много различествовали съ условіями, окружавшими его въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Составъ ордена, подробности ученія и самый смыслъ этого ученія весьма рѣзко обнаруживаютъ его политическое направленіе; между тѣмъ въ Дагестанѣ, какъ мы уже упомянули выше, ни муршиды, ни ихъ ученіе не имѣли ни малѣйшаго политическаго оттѣнка. Конечно, разницу эту можно объяснить кратковременностію существованія ученія, лишившею его возможности пустить въ новую почву свои корни; а это въ свою очередь лишило возможности послѣдователей ученія вникнуть въ настоящій смыслъ его, и затѣмъ извергнуть изъ среды своей лжемуршидовъ и просто грубыхъ обманщиковъ, которыми изобилуетъ это ученіе въ другихъ странахъ и между прочимъ у насъ въ Казани.

Во всякомъ случаѣ, мы, какъ уже сказано выше, принимаетъ на себя въ этомъ дѣлѣ полную отвѣтственность только за вѣрность передачи показаній Шамиля; что касается правдоподобія послѣднихъ, то это другой вопросъ, который въ настоящее время легко и самымъ удовлетворительнымъ образомъ можетъ быть разрѣшенъ нашими учеными посредствомъ повѣрки этихъ показаній на мѣстѣ существованія ученія. Съ своей же стороны мы полагаемъ, что какъ бы ни были слова Шамиля далеки отъ

истины, но мы должны ихъ выслушать, хотя бы ради того—чтобы разсмотрѣть это совсѣмъ немаловажное дѣло со всѣхъ сторонъ и уже потомъ, на основаніи различныхъ мнѣній pro и contra, постановить окончательное рѣшеніе.

Обращаясь за тѣмъ къ зарожденію въ Дагестанѣ мюридизма и газавата, мы прежде всего должны повторить—что и въ этомъ отношеніи показанія Шамиля во многомъ противорѣчатъ съ повѣствованіями нашихъ военныхъ писателей, и что противорѣчія эти, какъ намъ кажется, имѣютъ въ своемъ основаніи именно ошибочный взглядъ нашъ на то значеніе, какимъ пользовались въ Дагестанѣ ученіе тарыката и его проповѣдники.

Ошибка, на которой прежде всего сходятся всѣ писавшіе у насъ о священной войнѣ, заключается въ неправильномъ наименованіи *дѣйствительной причины газавата*, а потомъ въ неправильномъ наименованіи *мѣстности*, откуда «мюридизмъ» перенесся на Кавказъ. Говоря объ этомъ, всѣ наши писатели единогласно называютъ *Бухару* и потомъ *«бухарца Хасъ-Мухаммеда»*, «воспитывавшагося первоначально у кюринскаго кадія Муллы-«Мухаммеда, а въ послѣдствіи получившаго окончательное «образованіе на своей родинѣ—Бухарѣ, откуда возвратив-«шись, онъ передалъ всѣ тайны новаго ученія своему быв-«шему наставнику».

Шамиль говоритъ, что это не такъ, и что такого рода свѣдѣнія вѣроятно пріобрѣтены нами еще за долго до окончанія военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ, когда мы не могли имѣть сношеній съ людьми, хорошо знавшими это дѣло и способными сообщить свѣдѣнія вполнѣ достовѣр-

ныя. Его же собственный разсказъ объясняетъ развитіе въ Дагестанѣ «муридизма» слѣдующимъ порядкомъ.

Въ эпоху царствованія Императора Александра Павловича, въ городѣ Багдадѣ жилъ одинъ ученый мужъ, по имени Халидъ-Сулейманъ. Его примѣрный образъ жизни и душеспасительныя занятія, въ которыхъ онъ проводилъ все свое время, пріобрѣли ему такое высокое уваженіе одновѣрцевъ, что имя его въ послѣдствіи было записано въ числѣ мусульманскихъ святыхъ, а слава о его необыкновенной учености и о сношеніяхъ съ нездѣшнимъ міромъ, распространилась постепенно по всѣмъ уголкамъ мусульманскаго міра, за исключеніемъ впрочемъ Кавказа, который въ то время представлялъ собою terra incognita даже для мусульманской цивилизаціи.

Короче сказать, Халидъ-Сулейманъ былъ муршидъ въ полномъ значеніи этого слова. Откуда почерпнулъ онъ свою ученость—изъ бухарскихъ ли академій, отъ арабскихъ ли мудрецовъ, или по наитію свыше,—никто изъ дагестанскихъ ученыхъ не знаетъ; извѣстно имъ только то, что отъ него именно перешло ученіе тарыката въ Дагестанъ, и что это случилось слѣдующимъ образомъ.

Житель селенія Курдомиръ, по имени Исмаилъ (въ послѣдствіи шейхъ-Исмаилъ), извѣстный во всемъ Ширванѣ какъ ученый и богобоязливый человѣкъ, отправился исполняя долгъ мусульманина, въ Мекку на поклоненіе гробу пророка. Здѣсь онъ услышалъ о Халидъ-Сулеймане, о его учености, о его святой жизни и о чудесахъ, которыя онъ совершаетъ по наитію высшей духовной силы. Проникнувшись этими разсказами, шейхъ-Исмаилъ рѣшился

заѣхать на возвратномъ пути въ Багдадъ, чтобы просвѣтить свое невѣжество свѣтомъ мудрости Халида.

Халидъ принялъ шейхъ-Исмаила очень радушно и тотчасъ же занялся его образованіемъ. Неизвѣстно сколько времени оно продолжалось, но съ окончаніемъ ихъ занятій, когда Халидъ удостовѣрился, что ученикъ его усвоилъ себѣ всѣ знанія учителя и дѣйствительно есть тотъ избранникъ, котораго отмѣтила рука судьбы, онъ отпустилъ его домой съ званіемъ муршида и съ слѣдующимъ наставленіемъ: передать тарыкатъ жителю селенія Яраги (*), Курали-Магомѣ, а ему приказать передать его въ свою очередь, одному изъ нукеровъ Асланъ-Хана казикумухскаго, Джемалэддину, состоящему при ханѣ въ званіи мирзы, «секретаря».

Ни того, ни другаго Халидъ никогда не зналъ и ничего о нихъ не слышалъ. Точно также не зналъ ихъ и шейхъ-Исмаилъ. Но Халидъ говорилъ подъ вліяніемъ *карамата*, и потому не возбудилъ въ ученикѣ своемъ ни малѣйшаго удивленія. Такъ же мало удивляется этому Шамиль и всѣ дагестанскіе мусульмане, которые изъ глубины души вѣрятъ этой баснѣ.

Услышавъ о званіи Джемалэддина, шейхъ-Исмаилъ поспѣшилъ высказать сомнѣніе на счетъ возможности сдѣлаться муршидомъ человѣку, который будучи по своей должности близокъ къ хану, никакъ не можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ. Таково было мнѣніе горцевъ о ханахъ въ прежнее время. Таково оно, по словамъ Шамиля, и теперь.

(*) Такъ называетъ это селеніе Шамиль. Писатели же наши зовутъ его «Ярагиръ».

На возраженіе шейхъ-Исмаила, Халидъ-Сулейманъ отозвался такимъ образомъ—что хотя и дѣйствительно отъ приближеннаго къ хану нельзя ожидать ничего хорошаго, но такъ какъ Джемалэддину назначено быть муршидомъ отъ Бога, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ заслышавъ призывающій его голосъ, немедленно отрѣшится отъ своихъ заблужденій, загладитъ ихъ новою дѣятельностію и въ этой сферѣ выкажетъ себя вполнѣ достойнымъ своего призванія.

Успокоенный на счетъ Джемалэддина, шейхъ-Исмаилъ воротился на родину и сталъ раздумывать о томъ, какимъ бы образомъ успѣшнѣе выполнить приказаніе своего наставника относительно Курали-Магомы. Сомнѣнія его были разрѣшены совсѣмъ нечаянно, въ чемъ Шамиль видитъ перстъ Божій.

Вскорѣ по возвращеніи шейхъ-Исмаила изъ Багдада, къ нему явился уроженецъ ширванскаго ханства, по имени Ширвани-Хасъ-Мухаммедъ, обучавшійся до этого времени у Курали-Магомы шаріату (*). Хасъ-Мухаммедъ совсѣмъ

(*) Вотъ тотъ самый Хасъ-Мухаммедъ, который фигурируетъ въ сочиненіяхъ нашихъ писателей подъ именемъ «бухарца Хасъ-Мухаммеда». Шамиль говоритъ, что человѣкъ этотъ никогда не сообщалъ Курали-Магомѣ ученія бухарской секты, а только былъ «посланникомъ» къ нему отъ имени шейхъ-Исмаила (какъ это будетъ видно ниже). За тѣмъ Шамиль положительно утверждаетъ, что другаго Хасъ-Мухаммеда не было во всемъ Дагестанѣ, и никакого «бухарца» горцы никогда не видали, не знали и даже не слышали о немъ.

Подобнымъ же образомъ невѣрны, по словамъ Шамиля, распространенныя у насъ свѣдѣнія объ извѣстномъ предводителѣ горцевъ (вѣрнѣе чеченцовъ) Шейхъ-Мансурѣ. Въ названномъ, напримѣръ, сочиненіи г. Казембека, «Мюридизмъ и Шамиль», на страниц. 204 сказано, что «нѣкто изъ оренбургскихъ «татаръ, Мансуръ, окончивъ свое духовное воспитаніе въ Бухарѣ, вернулся «въ отечество въ 1742 году; не находя здѣсь удобства для своихъ происковъ «(распространенія тарыката), тогда же пробрался чрезъ Астрахань въ юго-

не зналъ о принятіи Шейхъ-Исмаиломъ тарыката: онъ только слышалъ о его учености и думалъ, что она должна была еще болѣе обогатиться во время путешествія въ Мекку, чрезъ бесѣды съ ученѣйшими мужами Востока. Поэтому онъ явился къ шейхъ-Исмаилу, съ цѣлію пополнить свои познанія въ шаріатѣ. Но вмѣсто шаріата ему пришлось изучить тарыкатъ. Пораженный открывшимися ему истинами, онъ сказалъ однажды своему наставнику: «какъ бы хорошо было, еслибъ нашу «науку» передать моему прежнему учителю, Курали-Магомѣ. Но только онъ

«восточный Дагестанъ, гдѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Шейхъ-Алауд-дина-«Мансура; онъ бы сдѣлалъ много зла тамъ,—начало уже было положено—если «бы покореніе этой части Дагестана и утвержденіе тамъ русскаго оружія не «положили конецъ успѣхамъ злоумышленника».

Въ этомъ же родѣ составлены описанія и другихъ авторовъ. Но вотъ что говоритъ о Шейхъ-Мансурѣ Шамиль: «Шейхъ-Мансуръ, родомъ чеченецъ, изъ «аула Алды, (близь крѣпости Грозной); въ Бухарѣ никогда не былъ, да и до-«ма повидимому ничему не учился (также какъ и всѣ почти чеченцы въ преж-«нее время), потому что онъ не только не былъ ученымъ, а даже и совсѣмъ «не зналъ грамоты; но въ замѣнъ того, онъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ «слова, который при его мужественной, увлекательной наружности, имѣлъ не-«отразимое вліяніе на туземцевъ, симпатизирующихъ всему, что рѣзко бро-«сается въ глаза или поражаетъ слухъ. Настоящее имя этого предводителя «Ушурманъ; а то, которое сдѣлало его извѣстнымъ на Кавказѣ, было ни что «иное, какъ прозвище, данное въ честь его заслугъ и достоинствъ: *Мансуръ* «значитъ *счастливый въ своихъ дѣлахъ, любимый Богомъ*. На восточномъ «Кавказѣ Шейхъ-Мансуръ волновалъ одну Чечню и предводительствовалъ че-«ченцами; въ Дагестанѣ же никогда не былъ и его знаютъ тамъ только по «слуху»....

Впрочемъ, Шамиль не зналъ Шейхъ-Мансура лично, потому что родился спустя тринадцать лѣтъ послѣ взятія его въ плѣнъ: онъ только слышалъ о немъ отъ людей знавшихъ его очень хорошо и дѣлившихъ вмѣстѣ съ нимъ опасности и славу. Однако и писатели наши тоже не знали его лично, а пріобрѣли о немъ свѣдѣнія такимъ же точно образомъ какъ и Шамиль. Остается рѣшить—который изъ этихъ источниковъ вѣрнѣе.

ужь слишкомъ ученый человѣкъ, такъ что едва ли повѣритъ тому, что предписывается тарыкатомъ».

Этого открытія только и нужно было шейхъ-Исмаилу. Обдумавъ дѣло, взявъ при томъ въ соображеніе и неподатливость Курали-Магомы, шейхъ-Исмаилъ рѣшился отправить къ нему предварительно Хасъ-Мухаммеда съ предложеніемъ принять тарыкатъ.

Хорошо увѣренный въ непреклонности убѣжденій своего прежняго наставника, Хасъ-Мухаммедъ былъ въ большомъ сомнѣніи насчетъ успѣха возложенной на него миссіи и даже серьезно опасался встрѣтить со стороны Курали-Магомы самый неблагосклонный пріемъ. Поэтому явившись въ Яраги, онъ не вдругъ рѣшился сообщить ему о цѣли своего посольства и вообще чувствовалъ себя въ самомъ затруднительномъ положеніи. Это было замѣчено Курали-Магомою, который скоро открылъ весьма рѣзкую перемѣну и въ физіономіи своего ученика, и въ молитвенныхъ пріемахъ, которыми тотъ сопровождалъ обычные намазы. Не зная къ чему все это отнести, Курали-Магома въ свою очередь не рѣшался потребовать объясненія своихъ недоразумѣній. Такъ прошелъ первый день пребыванія Хасъ-Мухаммеда въ Яраги.

На слѣдующее утро будущій муршидъ, приготовляясь совершить утренній намазъ вмѣстѣ съ Хасъ-Мухаммедомъ, приказалъ ему быть на этотъ разъ имамомъ (*). Стоя по-

(*) Слово «имамъ» собственно значитъ народный предводитель; но имамомъ называется также мусульманинъ, стоящій въ продолженіи намаза впереди всѣхъ молящихся. Онъ долженъ хорошо знать всѣ принадлежащія каждому намазу молитвы и всѣ молитвенные пріемы, сообразно которыхъ молельщики исполня-

зади его Курали-Магома, постепенно убѣждался въ основательности вчерашнихъ подозрѣній и рѣшился непремѣнно объяснить ихъ по окончаніи намаза. Но въ эту минуту, Хасъ-Мухаммедъ, продолжавшій свое дѣло съ особеннымъ усердіемъ, прочиталъ слѣдующій стихъ корана: «Скажи имъ: вы бѣгаете отъ смерти, но смерть настигнетъ васъ; и тогда вы предстанете передъ всевѣдущимъ Богомъ, и Онъ напомнитъ вамъ о дѣлахъ вашихъ».... Съ послѣднимъ словомъ Курали-Магома весь затрясся и упалъ въ обморокъ, пораженный припадкомъ джязбе. Тогда Хасъ-Мухаммедъ, видя въ этомъ явленіи указаніе свыше, поспѣшилъ открыться Курали-Магомѣ, лишь только тотъ опамятовался. Вполнѣ раздѣляя взглядъ своего ученика на тайный смыслъ только что перенесеннаго припадка, Курали-Магома увѣровалъ въ свое призваніе, и въ самомъ скоромъ времени отправился къ шейхъ-Исмаилу.

Семнадцать ночей провелъ онъ съ нимъ, изучая тарыкатъ и бесѣдуя о высокихъ его истинахъ (*). Наконецъ обращеніе совершилось: Курали-Магома вполнѣ созналъ непреложность этихъ истинъ и получилъ отъ шейхъ-Исмаила званіе муршида съ приказаніемъ поучать людей тарыкату, а при случаѣ передать его Джемалэддину.

Возвратившись въ Яраги, Курали-Магома по обыкновенію былъ осажденъ учениками и съ этого самаго вре-

---

ютъ все то, что дѣлаетъ имамъ. Назначеніе имамовъ для намаза зависитъ отъ главы дома, который или самъ исполняетъ эту обязанность, или желая углубиться въ молитву, поручаетъ это кому нибудь изъ домашнихъ.

(*) Изученіе правилъ тарыката и молитвенныхъ пріемовъ происходитъ преимущественно ночью.

мени слухъ о новомъ ученіи началъ распространяться по Кавказу (*).

Желая выполнить свое назначеніе съ успѣхомъ, равнымъ одушевлявшему его усердію, а также примѣняясь въ этомъ случаѣ къ обычаямъ первыхъ временъ исламизма, Курали-Магома распорядился слѣдующимъ образомъ: изъ числа трехъ своихъ братьевъ, онъ заставилъ младшаго, Шейхъ-Мухаммеда, пасти принадлежавшія имъ стада; двумъ среднимъ, Абдулъ-Хамису и Махмуду поручилъ угощать посѣтителей, а самъ занялся насыщеніемъ ихъ духовною пищею.

Скоро между учениками его появился и Джемалэддинъ: зслышавъ наконецъ призывавшій его голосъ, онъ оставилъ своего хана и поспѣшилъ туда, куда звала его судьба. Обращеніе его совершилось безъ особыхъ приключеній. Разставаясь по окончаніи курса съ своимъ наставникомъ, онъ не получилъ однако отъ него ни званія муршида, ни разрѣшенія проповѣдывать тарыкатъ; и уже только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Курали-Магома въ письмѣ къ нему, изложилъ исторію этого ученія въ Дагестанѣ и разрѣшилъ быть муршидомъ. Кому же именно слѣдовало бы передать тарыкатъ въ послѣдствіи, это предоставлялось собственному усмотрѣнію Джемалэддина, такъ какъ особеннаго на этотъ счетъ приказанія отъ шейхъ-Исмаила Курали-Магома не получалъ; съ своей же стороны онъ вѣроятно не считалъ себя вправѣ сдѣлать назначеніе, потому что караматъ его ничего объ этомъ не говорилъ.

(*) Это было въ концѣ десятыхъ, или въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Съ первыхъ же лекцій тарыката, въ Джемалэддинѣ совершилась перемѣна, о которой предсказывалъ Халидъ-Сулейманъ: подъ предлогомъ болѣзни, онъ заперся въ своемъ домѣ, долгое время никому не показывался и вскорѣ затѣмъ щеголь-мирза казикумухскаго хана обратился въ птицу небесную, которая не сѣетъ и не жнетъ, а еще менѣе заботится о своей наружности и даже не принимаетъ самыхъ необходимыхъ мѣръ для соблюденія чистоплотности. Таковы впрочемъ были по словамъ Шамиля, и всѣ муршиды.

Нѣсколько лѣтъ (не болѣе пяти) проповѣдывалъ Джемалэддинъ правила тарыката въ тишинѣ и спокойствіи, безъ всякихъ приключеній. Напослѣдокъ, (во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ), дошелъ до него слухъ о Гази-Мухаммедѣ, котораго до тѣхъ поръ онъ совсѣмъ не зналъ. Въ это время Гази-Мухаммедъ уже пользовался въ своемъ околодкѣ большою популярностію; онъ занимался распространеніемъ шаріата, не выказывая еще однако никакихъ воинственныхъ стремленій.

Слыша разсказы объ успѣхахъ его проповѣдей, о его умѣ и учености, Джемалэддинъ обратилъ на него особенное вниманіе и, провидя въ немъ будущаго проповѣдника тарыката, счелъ долгомъ заявить ему о своемъ существованіи, котораго Гази-Мухаммедъ до этого времени не подозрѣвалъ. Отозвавшись въ письмѣ къ нему самымъ лестнымъ образомъ о его извѣстности и выхваляя стараніе его отвратить людей отъ порочной жизни, Джемалэддинъ въ тоже время называлъ шаріатъ азбукою духовнаго совершенства, указывалъ Гази-Мухаммеду необходимость заняться изученіемъ тарыката, и звалъ его

къ себѣ, въ селеніе Кумухъ. Предложеніе это однако не было принято, и въ отвѣтѣ своемъ, отзывавшемся даже нѣкоторою ироніею, Гази-Мухаммедъ высказалъ ту мысль, что онъ не считаетъ себя способнымъ къ воспринятію такихъ высокихъ истинъ, каковы истины тарыката. Однако, съ этихъ поръ Гази-Мухаммедъ уже познакомился съ именемъ Джемалэддина. Разбирая въ умѣ доходившія до него по временамъ извѣстія о богоугодной жизни муршида, о достоинствахъ его ученія и о чудесахъ прозорливости, приводившихъ суевѣрныхъ горцевъ въ изумленіе,—Гази-Мухаммедъ сталъ наконецъ и самъ раздумывать о присутствіи въ Джемалэддинѣ сверхъ-естественной силы. Но не допуская утвердиться этой мысли прочнымъ образомъ, онъ вздумалъ сначала подвергнуть прозорливость Джемалэддина испытанію.

Случай къ тому скоро представился. У Гази-Мухаммеда былъ двоюродный братъ Мухаммедъ-Султанъ, производившій въ горахъ довольно значительную торговлю. Желая устранить отъ себя заботу пріискивать средства къ существованію тяжелымъ и пристальнымъ трудомъ, отвлекавшимъ его отъ душеспасительныхъ занятій, Гази-Мухаммедъ передалъ Мухаммедъ-Султану для оборотовъ всѣ свои деньги, въ количествѣ 200 руб. серебромъ. Присоединивъ этотъ капиталъ къ своему собственному, Мухаммедъ-Султанъ закупилъ въ городѣ Нухѣ много разныхъ товаровъ и отправился съ ними восвояси; но проѣзжая чрезъ казикумухскія владѣнія, неподалеку отъ селенія Гомéкъ, былъ до-чиста ограбленъ разбойниками. Съ нимъ вмѣстѣ потерялъ свое достояніе и Гази-Мухаммедъ.

Удостовѣрясь скоро, что на содѣйствіе мѣстнаго начальства къ розыску грабителей и къ удовлетворенію ограбленныхъ разсчитывать нечего, Гази-Мухаммедъ рѣшился лично искать правосудія у самого Асланъ-Хана, и съ этою цѣлью отправился въ Казикумухъ, въ сопровожденіи одного товарища, по имени Хассана (*). Дорогою онъ вспомнилъ о Джемалэддинѣ и тотчасъ же предположилъ заѣхать къ нему, чтобы лично удостовѣриться въ справедливости ходившихъ о немъ слуховъ. Для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ намѣреній, онъ счелъ за лучшее явиться къ муршиду инкогнито, и для этого убѣдилъ своего дорожнаго товарища принять на себя роль господина, а самъ назвался слугою его Хуссейномъ.

Пріѣхавъ къ Джемалэддину, Хассанъ и Хуссейнъ были приняты имъ съ обычнымъ радушіемъ и съ обычною фразою: «милости просимъ дорогіе гости; садитесь, отдохните!» При входѣ въ комнату, Гази-Мухаммедъ пропустилъ впередъ себя Хассана, а самъ остался позади; и когда тотъ занялъ почетное мѣсто на коврѣ,—онъ усѣлся возлѣ дверей, скорчившись какъ ясырь (плѣнникъ, рабъ). Джемалэддинъ скоро это замѣтилъ, и обратившись къ нему, сказалъ съ такимъ спокойствіемъ и увѣренностію, какъ будто зналъ его съ малолѣтства: «Что ты тамъ усѣлся Гази-Мухаммедъ? Иди сюда: твое мѣсто здѣсь—впереди всѣхъ!...»

(*) Мы знаемъ, что онъ получилъ отъ Асланъ-Хана блистательное удовлетвореніе («Перечень событій въ Дагестанѣ въ 1813 году», г. Окольничаго. Воен. Сбор. 1859 г.).

Услышавъ свое имя, Гази-Мухаммедъ до того былъ пораженъ, что всѣ разсказы о чудесахъ Джемалэддинова карамата, которыми онъ до сихъ поръ интересовался, но не вѣрилъ,—получили теперь въ глазахъ его полное вѣроятіе. Онъ вступилъ съ муршидомъ въ разговоръ, все еще думая обличить и лживость его ученія и естественность его прозорливости; но эта попытка кончилась тѣмъ, что самъ онъ, чувствуя себя готовымъ поддаться обаянію новыхъ истинъ, поспѣшилъ удалиться отъ соблазна, и простившись съ Джемалэддиномъ, отправился хлопотать о своихъ земныхъ дѣлахъ, давъ впрочемъ слово заѣхать къ въ другой разъ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе въ продолженіи одной недѣли. Теперь онъ ѣхалъ уже съ другимъ товарищемъ: знакомый ему богатый и ученый акушинецъ, по имени Багантъ, упросилъ его взять съ собою, сознавшись при этомъ, что цѣль у него была та самая, которая вызвала первое посѣщеніе Гази-Мухаммеда, т. е. ему тоже хотѣлось испытать прозорливость Джемалэддина. Соглашаясь на его просьбу, Гази-Мухаммедъ предупредилъ однако своего спутника, что напрасно затѣялъ онъ это дѣло и что съ нимъ навѣрное случится тоже самое, что пришлось испытать ему самому. Но Багантъ остался при своемъ желаніи, и они отправились въ путь.

Встрѣченные Джемалэддиномъ по обыкновенію радушно, они вошли въ его домъ и расположились отдыхать. Но не успѣли они усѣсться, какъ Джемалэддинъ, взглянувъ мелькомъ на Баганта и на его богатый костюмъ, обратился къ Гази-Мухаммеду и сказалъ ему: «я не знаю,

Гази-Мухаммедъ, что за человѣкъ пріѣхалъ съ тобою; но я знаю, что онъ ученый и что желаетъ испытать меня. Скажи-жъ ты ему, что гораздо бы онъ лучше сдѣлалъ, еслибъ занялся своими собственными дѣлами: вотъ напримѣръ, онъ какъ ученый долженъ знать, что намъ слѣдуетъ носить простую одежду, а между тѣмъ носитъ шелкъ и золото... Да и съ отцомъ ему не худо бы помириться: такъ долго огорчать родителей—большой грѣхъ!...» Послѣдняго обстоятельства не зналъ даже и Гази-Мухаммедъ. По этому можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели слова Джемалэддина на Багата: онъ совсѣмъ растерялся, выбѣжалъ изъ комнаты и тотчасъ же уѣхалъ. Первымъ его дѣломъ было помириться съ отцомъ, а въ послѣдствіи онъ даже оставилъ свой богатый костюмъ и началъ носить самую простую одежду. Но еще болѣе сильное дѣйствіе имѣла прозорливость муршида на свидѣтеля этой сцены, Гази-Мухаммеда: убѣдившись окончательно въ присутствіи въ Джемалэддинѣ сверхъ-естественной силы, а слѣдовательно и въ боговдохновенности его ученія,—онъ призналъ себя вполнѣ побѣжденнымъ и, заявилъ это передъ цѣлымъ свѣтомъ, оставшись тогда же у Джемалэддина и посвятивъ себя изученію тарыката.

Образованіе его продолжалось не долго—не болѣе пяти ночей: будучи, по замѣчанію Джемалэддина, достаточно подготовленъ къ воспринятію истинъ этой высокой науки, Гази-Мухаммедъ скоро усвоилъ себѣ всѣ ея тайны и ему не доставало только карамата, чтобы сдѣлаться муршидомъ самому. Но прозорливый Джемалэддинъ въ самомъ непродолжительномъ времени открылъ въ немъ и эту спо-

собность, а на этомъ основаніи поспѣшилъ предоставить ему право проповѣдывать тарыкатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его своимъ маазуномъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, о чемъ тотчасъ же увѣдомилъ своего учителя, Курали-Магому.

Обращеніе Гази-Мухаммеда сильно подѣйствовало на умы горцевъ, хотя и различнымъ образомъ: глава тарыката—Курали-Магома, которому Джемалэддинъ сообщилъ также свѣдѣніе о высокихъ достоинствахъ и значеніи новаго муршида,—радовался, что ученіе его будетъ имѣть въ Дагестанѣ представителя, способнаго распространить его повсюду. Народныя массы, всегда готовыя слѣдовать за своими коноводами,—познакомившись теперь съ именемъ Джемалэддина и узнавъ о существованіи новаго ученія, были готовы къ воспріятію его, точно также, какъ до этого являли себя готовыми къ воспринятію шаріата. Одни только самые ярые приверженцы этого послѣдняго ученія не могли быть довольны обращеніемъ своего главы на новый путь: усвоивъ себѣ возбуждающее начало его проповѣдей, уже заронившихъ въ мятежныхъ умахъ ихъ искру будущаго пожара,—приверженцы Гази-Мухаммеда съ грустью и досадой смотрѣли на его отступничество, убивавшее ихъ кровожадные инстинкты въ самомъ зародышѣ. Къ довершенію ихъ неудовольствія, изъ среды ихъ самихъ начали появляться отступники прежнихъ убѣжденій, и первый, кто показалъ тому примѣръ,—былъ Шамиль.

Въ то время, когда Гази-Мухаммедъ совершалъ свое обращеніе у Джемалэддина, Шамиль продолжалъ доискиваться старыхъ истинъ вмѣстѣ съ бывшимъ своимъ уче-

никомъ Амиръ-Ханомъ (будущимъ секретаремъ его), въ *Балаканахъ*, у ученаго Лачинилау. Встрѣтивъ однажды надобность побывать дома, онъ пріѣхалъ въ селеніе Гимра́ и тутъ нашелъ своего друга и прежняго наставника Гази-Мухаммеда, который явился передъ нимъ уже не проповѣдникомъ шаріата, а однимъ изъ свѣтилъ новаго ученія, но только еще болѣе предавшимся уединенію и мечтательности. Немного нужно было употребить новому муршиду краснорѣчія, чтобы подѣйствовать на мистическій умъ своего товарища: оба они были такъ похожи другъ на друга своимъ духовнымъ складомъ, что если бы Джемалэддинъ обладалъ прозорливостію въ той степени, въ какой по преданію обладалъ ею Халидъ-Сулейманъ,—то безъ сомнѣнія, отпуская Гази-Мухаммеда домой, онъ сказалъ бы ему: «передай тарыкатъ гимринскому жителю Шамуилю, или пришли его ко мнѣ». Но и безъ этого наставленія случилось именно такъ-же: увлеченный разсказами Гази-Мухаммеда о прелестахъ новаго ученія, Шамиль немедленно отправился къ Джемалэддину и только заѣхалъ въ Балаканы, чтобы проститься съ своимъ учителемъ. Но здѣсь, вмѣсто сцены прощанія, произошла сцена дорожныхъ сборовъ: Лачинилау выслушалъ показанія Шамиля о сущности тарыката и тотчасъ же отправился вмѣстѣ съ Шамилемъ и Амиръ-Ханомъ въ Кумухъ. Послѣдніе двое вскорѣ приняли новое ученіе; но Личинилау, не чувствовавшій по особенному пристрастію къ вину, влеченія и къ шаріату,—остался при прежнихъ убѣжденіяхъ. Однако и Шамиль съ Амиръ-Ханомъ, слѣдуя примѣру Гази-Мухаммеда (о чемъ будетъ сказано ниже),—тоже скоро

возвратились на лоно стараго ученія. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Поучаясь тарыкату, Шамиль неоднократно слышалъ отъ Джемалэддина восторженныя похвалы уму, учености и прозорливости наставника его, Курали-эфенди. Настроенный на этотъ ладъ, а можетъ быть, находя ученость самого Джемалэддина слишкомъ недостаточною для своей любознательности,—Шамиль возгорѣлъ желаніемъ заимствоваться свѣтомъ новыхъ истинъ изъ самаго источника ихъ. Эта мысль до такой степени его преслѣдовала, что онъ, не кончивъ ученія, уѣхалъ въ Гимра съ цѣлью—предложить Гази-Мухаммеду отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ селеніе Яраги. Оказалось, что Гази-Мухаммедъ ожидалъ только его пріѣзда, чтобы сдѣлать ему точно такое же предложеніе. Не откладывая своего намѣренія, будущіе имамы поѣхали учиться у муршида, бывшаго противника ихъ религіозныхъ воззрѣній.

Вѣра Гази-Мухаммеда въ прозорливость Джемалэддина и въ непреложность принятаго отъ него ученія была такъ велика и чистосердечна,—что ѣхавши теперь въ Яраги и находясь отъ Кумуха въ двухъ дняхъ разстоянія, онъ говорилъ Шамилю: «я думаю, теперь Джемалэддинъ навѣрное знаетъ, что мы ѣдемъ къ Курали-Магомѣ».

Наконецъ они увидѣли свѣтило тарыката.

Съ перваго взгляда на Гази-Мухаммеда, смѣтливый или прозорливый Курали-Магома убѣдился—что не монаха видитъ онъ предъ собою, готоваго подставить ближнему свою ланцту, а человѣка въ высшей степени энергическаго, проникнутаго убѣжденіями совсѣмъ не гармонирующими

съ требованіями тарыката; что подъ холодною, сосредоточенною наружностью этого неофита скрывается изувѣръ, готовый пожалѣть о томъ, что не одна голова у всѣхъ людей, которые не раздѣляютъ его религіозныхъ вѣрованій.

Дальнѣйшее знакомство съ личностію и образомъ мыслей Гази-Мухаммеда утвердили Курали-Магому въ основательности его начальныхъ предположеній. Справедливо опасаясь за участь тарыката въ Дагестанѣ, муршидъ видѣлъ въ то же время невозможность не признать дѣйствія высшей духовной силы надъ человѣкомъ, обладающимъ такимъ свѣтлымъ умомъ и такими блистательными дарованіями. По этимъ причинамъ, утверждая съ своей стороны назначеніе, сдѣланное Джемалэддиномъ, онъ писалъ къ нему слѣдующее: «Ты назначилъ Гази-Мухаммеда муршидомъ,—и «я это сдѣлалъ; но ты живешь вблизи отъ него, и потому «прошу тебя именемъ Бога: наблюдай за нимъ неослабно «и не позволяй ему сойдти съ дороги, на которую мы «наставили его...»

Не долго пришлось Джемалэддину дожидаться того времени, когда нужно было исполнить наставленіе Курали-Магомы. Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Яраги, Гази-Мухаммедъ возвратился вмѣстѣ съ Шамилемъ въ Гимра и тотчасъ же впалъ въ такое мрачное и сосредоточенное настроеніе духа, какого не замѣчали до этого времени ни его родные, ни близкіе къ нему люди. Это озадачило самого Шамиля, который, расчитывая увидѣть результаты послѣднихъ лекцій тарыката,—вмѣсто того началъ замѣчать проблески идей, значенія которыхъ онъ никакъ не могъ

себѣ объяснить. Наконецъ недоразумѣнія его разрѣшились—и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Оказалось, что опасенія Курали-Магомы были вполнѣ основательны, и ученіе тарыката дѣйствительно пріобрѣло въ Гази-Мухаммедѣ самаго плохаго послѣдователя: его мятежный умъ никакъ не могъ согласить честолюбивыхъ своихъ стремленій съ требованіями тарыката объ отшельничествѣ и о сближеніи съ верховнымъ существомъ—способомъ хотя и нелѣпымъ, но непремѣнно мирнымъ. Тѣмъ менѣе былъ онъ способенъ заставить себя подчиниться этимъ требованіямъ.—«Это ужь такой человѣкъ былъ! замѣтилъ Шамиль, говоря о причинахъ недѣйствительности подмѣченнаго Джемалэддиномъ въ Гази-Мухаммедѣ призванія:—онъ былъ ужь слишкомъ ученый и слишкомъ смѣлый человѣкъ для тарыката...»

И вотъ, однажды занимаясь съ Шамилемъ чтеніемъ книгъ, Гази-Мухаммедъ повелъ вдругъ такую рѣчь: «Что бы тамъ ни говорили Курали-Магома съ Джемалэддиномъ о тарыкатѣ, какъ бы усердно мы съ тобою ни молились, и какихъ бы чудесъ ни дѣлали,—а однимъ тарыкатомъ не угодимъ Богу; безъ газавата не будетъ намъ спасенія... Давай Шамиль газаватъ дѣлать»!

Изумленіе Шамиля было тѣмъ сильнѣе, что еще такъ недавно и такъ часто видѣлъ онъ проявленіе чувствъ и убѣжденій совершенно противоположныхъ. Но еще сильнѣе была въ немъ привязанность къ Гази-Мухаммеду и слѣпая вѣра въ непогрѣшимость его воззрѣній, вкоренившихся въ немъ съ самаго ранняго дѣтства. Освободив-

шись отъ перваго впечатлѣнія, онъ недолго думая, отвѣчалъ: «давай дѣлать газаватъ!...» (*).

Въ слѣдъ за тѣмъ, они начали возбуждать народъ къ газавату, и набравъ въ скоромъ времени изъ ближайшихъ къ Гимрѣ обществъ отъ 5-ти до 6 тысячь войска, двинулись въ разныхъ сторонъ въ глубь Дагестана и именно въ Аварію. Походъ этотъ окончился неудачею подъ Хунзахомъ, гдѣ Шамиль, еще тогда намъ неизвѣстный, былъ дочиста ограбленъ гумбетовцами, которыми самъ же предводительствовалъ.

Въ это самое время Гази-Мухаммедъ получилъ отъ Джемалэддина письмо, еще болѣе разстроившее его планы. Въ письмѣ своемъ муршидъ доказывалъ неосновательность его затѣи, и требовалъ чтобы онъ оставилъ всѣ военныя приготовленія, а занялся бы настоящимъ своимъ дѣломъ, сущность котораго заключается въ молитвѣ, а не въ войнѣ. Раздосадованный Гази-Мухаммедъ очень лаконически отвѣчалъ Джемалэддину—что настоящее дѣло мусульманина «газаватъ», и въ слѣдъ за тѣмъ онъ продолжалъ свои приготовленія къ войнѣ. Но теперь вступился въ это дѣло Шамиль.

Проникнутый ученіемъ тарыката несравненно въ большей степени, нежели Гази-Мухаммедъ, Шамиль видѣлъ въ письмѣ Джемалэддина и перстъ Божій, указующій неудачи которыя ихъ ожидаютъ, и испытаніе поставляемое для нихъ муршидомъ. Уваженіе къ его личности и къ его

(*) Этотъ разсказъ опять подтверждаетъ слова Шамиля и основанное на нихъ собственное наше мнѣніе—что ученіе тарыката въ Дагестанѣ совсѣмъ не имѣло политическаго характера.

званію было въ немъ такъ велико, что онъ не могъ и подумать о возможности ослушаться его приказаній. Въ этихъ мысляхъ обратился онъ къ Гази-Мухаммеду, убѣждая его исполнить требованіе Джемалэддина. Но всѣ представленія, просьбы и даже угроза разорвать съ нимъ дружбу, оказались тщетными: Гази-Мухаммедъ остался непреклоненъ, и послѣднее его слово было: «газаватъ, газаватъ»! Тогда Шамиль прервалъ съ нимъ всѣ сношенія, и запершись въ своемъ домѣ предался молитвѣ и чтенію священныхъ книгъ. Вотъ причина, разрѣшающая недоумѣніе нашихъ писателей—отчего мы не видѣли Шамиля въ началѣ газавата.

Отправляясь во второй свой походъ, Гази-Мухаммедъ скоро удостовѣрился—какъ много онъ лишился въ Шамилѣ и какъ сильно повредило ему противодѣйствіе Джемалэддина: въ собранномъ имъ войскѣ много было людей, частію уже заразившихся ученіемъ тарыката, а частію видѣвшихъ чудеса Джемалэддинова карамата, или знавшихъ о нихъ и о тарыкатѣ изъ разсказовъ товарищей. Въ слѣдствіе этого, къ Джемалэддину и къ его ученію возникло сильное сочувствіе, а въ слѣдъ затѣмъ обнаружились и существованіе его письма, и настоящая причина отсутствія Шамиля, который дѣйствительно служилъ связью, соединявшею Гази-Мухаммеда съ его войскомъ. Тогда начались побѣги, весьма замѣтно разстроившіе ряды ополченія, а вскорѣ обнаружилось и явное неудовольствіе, грозившее окончательною неудачею.

Въ это время Гази-Мухаммедъ получилъ отъ Джемалэддина второе письмо, а въ слѣдъ за нимъ и третье. Со-

держаніе обоихъ было почти одинаково: муршидъ писалъ между прочимъ, что «и безъ него, Гази-Мухаммеда, много было ученыхъ людей, которые тоже хорошо знали о необходимости газавата, однако, они до сихъ поръ ничего не предпринимали, считая это дѣло невозможнымъ, потому что и коранъ воспрещаетъ вести войну противъ непріятеля сильнѣйшаго. Что если найдутся такіе люди въ настоящее время,—то пусть они и ведутъ газаватъ; но что сему, какъ послѣдователю и проповѣднику тарыката, дѣлать это совсѣмъ неприлично.» На этомъ основаніи онъ опять требовалъ немедленнаго прекращенія войны.

Не отвѣчая на второе письмо, Гази-Мухаммедъ обратился къ Курали-Магомѣ съ жалобою на Джемалэддина, стѣсняющаго его дѣйствія и запрещеніями своими и проповѣдями, которыя отвлекаютъ народъ отъ священной войны. Въ заключеніе, приводя нѣкоторые изъ возбудительныхъ стиховъ корана, онъ спрашивалъ муршида: можетъ ли онъ сказать что нибудь противъ нихъ? а если нѣтъ, то просилъ убѣдить Джемалэддина оставить свои домогательства.

Между тѣмъ, слухъ о Джемалэддинѣ и о новомъ ученіи, въ началѣ распространявшійся весьма туго,—съ обращеніемъ Гази-Мухаммеда охватилъ весь Дагестанъ почти одновременно, и популярность бывшаго секретаря казикумухскаго хана утвердилась въ это время по видимому на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Спокойно проповѣдуя свое ученіе, Джемалэдднъ радовался видя огромные успѣхи которые оно сдѣлало въ послѣднее время, и приписывалъ это особому покровительству неба. Съ одина-

ковымъ усердіемъ поучалъ онъ и муридовъ своихъ, этихъ настоящихъ послѣдователей тарыката, и цѣлыя толпы народа, собиравшіяся къ нему изъ окрестныхъ и даже изъ отдаленныхъ мѣстъ. Народныя сборища въ дагестанскихъ селеніяхъ не рѣдкость, и никто не видитъ въ нихъ ничего опаснаго, законопротивнаго. Доказательствомъ служитъ тотъ фактъ—что толпы приходившія къ Джемалэддину, располагались обыкновенно возлѣ его дома на площади, какъ разъ напротивъ ханскаго дворца, и Асланъ-ханъ, видѣвшій ихъ ежедневно собственными глазами и слышавшій Джемалэддина, говорившаго свои проповѣди среди бѣлаго дня, ни однимъ словомъ не заявилъ своего неудовольствія или какого либо опасенія.

Въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ ученіе тарыката находилось до обнаруженія первыхъ безпокойствъ, возбужденныхъ Гази-Мухаммедомъ въ сѣверномъ Дагестанѣ. Въ это время популярность Джемалэддина достигла своего апогея. Однако, она обошлась ему весьма дорого.

Въ числѣ отрицательныхъ качествъ составляющихъ характеристику племенъ Дагестана, немаловажную роль играетъ, по словамъ Шамиля, зависть: самый незначительный успѣхъ, выдвинувшій впередъ одного человѣка, поселяетъ въ другомъ опасеніе за свою личность или интересы, а въ слѣдствіе того, возбуждаетъ въ немъ кровавую ненависть къ любимцу фортуны, хотя бы онъ былъ его другомъ или ближайшимъ родственникомъ. Черта эта преимущественно развита между племенами южнаго Дагестана и въ особенности между членами дагестанскихъ владѣтельныхъ фамилій, благополучіе и благосостояніе которыхъ

большею частію имѣло въ своемъ основаніи кулачное право, насиліе и кровь. Такъ Сурхай-ханъ казикумухскій умертвилъ роднаго сына своего Муртазаали, единственно изъ опасенія, чтобы популярность, которую онъ началъ пріобрѣтать въ слѣдствіе доступности своей и всегдашней внимательности къ нуждамъ всѣхъ и каждаго, не выдвинула его въ глазахъ русскаго правительства на первый планъ, и тѣмъ самымъ не затушевала бы собственную его Сурхая личность. И много еще подобныхъ примѣровъ можетъ представить исторія обыденной жизни дагестанскихъ владѣтелей: есть даже книга, гдѣ всѣ эти примѣры изложены въ полной подробности. Точно тоже, по словамъ Шамиля, случилось и съ Джемалэддиномъ.

Съ самаго водворенія тарыката въ Дагестанѣ, т. е. восемь лѣтъ назадъ, когда Курали-Магома возвратился отъ шейхъ-Исмаила, правитель Куринскаго ханства Асланъ-ханъ Казикумухскій, очень хорошо зналъ всѣ подробности и всю постепенность развитія этого ученія, тѣмъ болѣе, что оно преимущественно распространялось въ его владѣніяхъ. Также хорошо зналъ онъ и о томъ, что въ числѣ учениковъ Джемалэддина были и Гази-Мухаммедъ и Шамиль, и что въ послѣдствіи первый изъ нихъ сталъ въ главѣ этого ученія. О безвредности же его, Асланъ-хану какъ мусульманину, тоже было не безъизвѣстно; онъ даже заявилъ объ этомъ въ офиціальномъ донесеніи, на основаніи котораго и русскія начальства не видѣли въ немъ ничего опаснаго и сохраняли это убѣжденіе до проявленія газавата, и до новаго совершенно противоположнаго донесенія Асланъ-хана о причинахъ возникшихъ волненій.

И такъ, восемь лѣтъ Асланъ-ханъ терпѣлъ тарыкатъ въ своихъ владѣніяхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ необыкновенные успѣхи этого ученія стали обнаруживаться самымъ осязательнымъ образомъ, популярность Джемалэддина отняла у него весь покой. Шамиль убѣжденъ—что зависть грызла сердце Асланъ-хана и заставляла его дѣлать самыя нелѣпыя предположенія. Ему даже казалось, что новое ученіе способно ниспровергнуть его власть, а его самого замѣнить Джемалэддиномъ.

Намъ извѣстно значеніе сборищъ народа во дворѣ или въ кунацкихъ людей пользующихся вліяніемъ: хотя посѣтители являются сюда большею частію безъ всякаго дѣла, и въ совершенной праздности стоятъ у дверей по цѣлымъ часамъ, но присутствіе ихъ въ комнатѣ вліятельнаго человѣка почти всегда выражаетъ симпатію къ нему народа. По этому и Асланъ-ханъ видѣлъ въ этихъ толпахъ людей сновавшихъ передъ его глазами, не праздныхъ зѣвакъ которыми такъ богатъ былъ Дагестанъ въ прежнее время, и не черезъ-чуръ ужь мирныхъ людей, пришедшихъ въ тарыкатъ искать спасенія отъ шаріата,—а заговорщиковъ на его жизнь и достояніе, предводимыхъ Джемалэддиномъ, этимъ миролюбивѣйшимъ и скромнѣйшимъ обывателемъ Дагестана.

Одновременно съ этимъ павожденіемъ, Асланъ-ханъ получилъ извѣстія о первыхъ безпокойствахъ, произведенныхъ Гази-Мухаммедомъ. Тогда ему пришло на мысль приписать ихъ вліянію тарыката и обоихъ муршидовъ и онъ послалъ за Джемалэддиномъ.

Въ это самое время Джемалэддинъ получилъ на свои

письма отвѣтъ—только не отъ Гази-Мухаммеда, а отъ Курали-Магомы, который, ссылаясь на предопредѣленіе, приказывалъ своему ученику не препятствовать Гази-Мухаммеду въ исполненіи предпринятаго имъ дѣла (*).

Письмо это побудило Джемалэддина оглянуться на свое собственное положеніе. Бросивъ на него трезвый взглядъ, онъ тотчасъ же разгадалъ намѣренія Асланъ-хана: хорошо знакомый съ его личностію, онъ ни минуты не сомнѣвался—что владѣтель казикумухскій, имѣя въ виду недавнее пребываніе Гази-Мухаммеда въ Кумухѣ, не задумается сложить отвѣтственность за теперешнія его дѣйствія на тарыкатъ.

Въ этихъ мыслахъ, не взирая даже на запрещеніе Курали-Магомы, Джемалэддинъ продолжалъ убѣждать Гази-Мухаммеда прекратить газаватъ и въ этомъ духѣ написалъ къ нему еще нѣсколько писемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшился продолжать ученіе по прежнему, разсчитывая парализировать этимъ успѣхи газавата. Онъ достигъ своей цѣли на сколько позволяли обстоятельства, и конечно, никто такъ хорошо въ этомъ не убѣдился, какъ Гази-Мухаммедъ, который, видя что народъ, узнавшій про образъ мыслей Джемалэддина, беретъ его сторону и постепенно оставляетъ дѣло газавата, особливо послѣ неудачи

(*) Письмо это до нѣкоторой степени противорѣчитъ высказанному нами мнѣнію о миролюбивомъ характерѣ дагестанскаго тарыката и о неполитическомъ значеніи дагестанскаго муршида; но мы просимъ читателей удержаться отъ этого заключенія, какъ потому, что объ отвѣтахъ, которые муршидъ даетъ на политическіе вопросы, мы уже упомянули, такъ и потому, что въ настоящемъ случаѣ Курали-Магома имѣлъ особенную побудительную причину, которая будетъ объяснена нѣсколько ниже.

подъ Хунзахомъ, страшно разсердился на него, изрыгалъ всевозможныя проклятія и поклялся непремѣнно отомстить ему. Съ этого-то времени зародилась между ними ненависть, о которой было сказано выше.

Но не такъ думалъ о Джемалэддинѣ Асланъ-ханъ. Призвавъ его къ себѣ, онъ тоже началъ бранью и упреками, но кончилъ тѣмъ, что велѣлъ избить бѣднаго муршида до полусмерти. За тѣмъ, отпуская его отъ себя, Асланъ-ханъ приказалъ разогнать толпы людей по домамъ, а Джемалэддину обѣщалъ вторичную расправу, если только онъ вздумаетъ продолжать свои проповѣди, или въ домѣ его окажутся муриды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздвигъ-было гоненіе и на Курали-Магому; но тотъ, предувѣдомленный своими почитателями заблаговременно, успѣлъ скрыться въ Табасарань и тѣмъ избавился отъ встрѣчи, которую готовилъ ему Асланъ-ханъ.

Избитому Джемалэддину было не до проповѣдей. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе убраться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Но еще не зажили полученные имъ побои, какъ новыя извѣстія съ театра священной войны привели его опять на правежъ. Въ этотъ разъ Асланъ-ханъ рѣшился забить его на—смерть. Спасеніемъ своимъ Джемалэддинъ обязанъ ханской женѣ, которая, услышавъ отчаянные его крики «Аллахъ, Аллахъ!», выбѣжала изъ сераля къ мѣсту экзекуціи и долго умоляла мужа прекратить истязанія, угрожая ему стыдомъ, которымъ мученія святаго человѣка покроютъ его голову. Но видя упорство Асланъ-хана, она сорвала съ себя покрывало и накрыла имъ Джемалэддина. Тогда экзекуція кончилась, и безчув-

ственнаго проповѣдника отнесли на рукахъ домой, гдѣ онъ долгое время не показывалъ ни малѣйшаго признака жизни. Наконецъ очнувшись, онъ не сталъ уже дожидаться выздоровленія, а собрался кой-какъ съ силами и бѣжалъ изъ владѣній своего хана сначала въ Цудахаръ, а потомъ перешелъ въ Коппу. Отсюда написалъ онъ къ Курали-Магомѣ, соединившемуся въ это время съ Гази-Мухаммедомъ, письмо, въ которомъ просилъ извиненія за свое противодѣйствіе новому имаму, вопреки приказаній муршида. Въ слѣдъ за письмомъ, Джемалэддинъ и самъ явился въ резиденцію Курали-Магомы.

Этотъ послѣдній, слушая исторію бѣдствій своего ученика, и разсуждая съ нимъ о воздвигнутыхъ на тарыкатъ гоненіяхъ, утѣшалъ его тѣмъ—что всѣ эти мученія и невзгоды послужили очистительною жертвою, которой непремѣнно требуетъ всякое святое дѣло; и что кровь и страданія Джемалэддина открыли для тарыката дорогу во всѣ концы свѣта. Въ заключеніе они запѣли радостными голосами слова, обратившіяся почти въ религіозный гимнъ: «Бизинъ тарыкатъ Дагестанъ гетты-гà!» «Тарыкатъ нашъ теперь въ Дагестанъ пошелъ»....

Но они ошиблись немного въ своихъ расчетахъ: волненія, произведенныя Гази-Мухаммедомъ, начинаютъ съ этого времени принимать характеръ вполнѣ серьезный: распространяясь постепенно изъ общества въ общество, они охватываютъ почти весь Дагестанъ и обращаются наконецъ въ войну продолжительную, ожесточенную. Въ это время горцамъ было не до тарыката, и онъ спокойно сталъ дожидаться своей очереди посреди ненавистныхъ для него

элементовъ—оружія и крови. Популярность его возродилась снова только въ послѣдніе годы имамства Шамиля, когда народъ началъ уже чувствовать усталость отъ бранныхъ тревогъ, множества потерь и ненормальности своего положенія, не обѣщавшаго къ тому же ничего хорошаго въ будущемъ.

Что касается эпохи, о которой мы сейчасъ говорили, то въ это время тарыкатъ можно сказать задремалъ, чему главнѣйшимъ образомъ способствовало бездѣйствіе Курали-Магомы. Муршидъ ясно видѣлъ, что ученіе его, представляя собою убѣжище для всѣхъ трусовъ и для людей зажиточныхъ, не смущаемыхъ бѣсомъ честолюбія и не желающихъ подвергать свою личность и имущество случайностямъ войны, дѣйствительно отнимаетъ у страны много воиновъ и тѣмъ самымъ мѣшаетъ успѣху всего дѣла. Между тѣмъ, успѣха этого онъ долженъ былъ желать по многимъ причинамъ: побуждали его къ тому и пощечина полученная имъ отъ Асланъ-хана (*), и гоненія претерпѣнныя Джемалэддиномъ, и будущность которая ожидала ихъ обоихъ, еслибъ они попались въ руки Аслапъ-хану, и можетъ быть (потому что Шамиль навѣрное не знаетъ) угнетеніе, которое претерпѣвали его соотечественники отъ своихъ властелиновъ. Относительно первой причины Шамиль тоже выразилъ сомнѣніе, говоря—что ученіе, котораго придерживался Курали-Магома, именно предписываетъ «подставить обидчику другую ланиту», и что по этому едва ли Курали-Магома питалъ въ себѣ чувство мести къ Асланъ-

(*) Этотъ фактъ заявленъ всѣми писавшими о дагестанскомъ газаватѣ.

хану. Но шаткость этого довода доказывается во первыхъ тѣмъ, что Курали-Магома, какъ мы навѣрное знаемъ, не подставилъ Асланъ-хану другой ланиты; а во вторыхъ, извѣстно также и то, что какого бы религіознаго ученія человѣкъ ни придерживался, онъ прежде всего остается человѣкомъ со всѣми общечеловѣческими слабостями, въ извѣстной мѣрѣ сдерживаемыми; а потомъ онъ остается еще человѣкомъ своей націи, съ нѣкоторыми исключительными и собственно ей принадлежащими оттѣнками въ характерѣ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ непремѣнно выкажутся, но только способомъ болѣе или менѣе скрытнымъ. По этому и Курали-Магома, какъ горецъ, въ которомъ чувство мщенія развито въ самой высокой степени насчетъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ чувствъ, конечно не могъ простить Асланъ-хану своей обиды, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ непогрѣшимости истинъ своего ученія и какъ бы искренно ни желалъ выполнить требованія его. Подтвержденіе этого мы видимъ каждую минуту и на каждомъ шагу даже между нами, послѣдователями евангельскаго ученія, краеугольный камень котораго—прощеніе обидъ.

Курали-Магома не мстилъ Асланъ-хану явнымъ образомъ; быть можетъ, онъ даже заявлялъ во всеуслышаніе о своей незлобивости и о томъ, что не питаетъ къ Асланъ-хану ни малѣйшаго чувства непріязни. Наконецъ, онъ оставилъ Гази-Мухаммеда совсѣмъ, предался уединенію и совершенно прекратилъ проповѣдываніе тарыката; а въ добавокъ строго приказалъ о томъ же и Джемалэддину. Но это смиреніе и это бездѣйствіе представляли собою такой

способъ мщенія, дѣйствительнѣе котораго нельзя было придумать. Все, что можетъ служить подтвержденіемъ этого, мы высказали раньше, въ различныхъ мѣстахъ этой статьи. Затѣмъ мы кажется не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что участіе Курали-Магомы въ возбужденіи газавата, настоящимъ образомъ заключалось не въ распространеніи тарыката, а именно въ прекращеніи этого ученія.

Теперь остается разъяснить еще одно обстоятельство: по какой причинѣ Шамиль снова соединился съ Гази-Мухаммедомъ?

Поводомъ къ этому было, во первыхъ, письмо Курали-Магомы, разрѣшавшее газаватъ. Во вторыхъ, извинительное письмо Джемалэддина, которое Курали-Магома получилъ въ Гимра и по слабости зрѣнія передалъ Шамилю для прочтенія. Наконецъ изустныя объясненія главы тарыката окончательно убѣдили Шамиля въ основательности предпринятаго Гази-Мухаммедомъ дѣла. Все это подѣйствовало на него такимъ образомъ, что онъ не только примирился съ недавнимъ врагомъ своимъ и сдѣлался его единомышленникомъ, но даже усвоилъ себѣ идею газавата, какъ мы видѣли, самымъ прочнымъ образомъ.

Съ этого времени всѣ подробности войны, происходившей въ предѣлахъ восточнаго Кавказа, извѣстны намъ вполнѣ, до самаго окончанія ея въ 1859 году. Въ заключеніе бросимъ слегка взглядъ на газаватъ вообще и на дагестанскій газаватъ въ особенности. Выражаемое имъ мнѣніе одною своею частію принадлежитъ Шамилю.

Зародышъ священной войны безспорно лежитъ въ основаніи мусульманской религіи. Но оплодотвореніе этого зародыша по произволу, въ наше время можетъ проявляться только въ видѣ всякаго рода насилій и угнетеній, которыя претерпѣваютъ напримѣръ христіанскіе подданные Блистательной Порты, и которыя представляютъ собою ни что иное, какъ тотъ же газаватъ, только постарленный подъ особыя условія. Войны же открытой, за исключеніемъ первыхъ временъ исламизма, да еще покоренія византійской имперіи,—исторія представляетъ намъ очень мало примѣровъ: ознакомившись посредствомъ горькаго опыта съ дѣйствіемъ усовершенствованнаго оружія, мусульмане поспѣшили припомнить забытое правило корана, не одобряющее войны противъ невѣрныхъ въ томъ случаѣ, если они сильнѣе вѣрныхъ. По этому газаватъ въ томъ видѣ, какъ мы его понимаемъ, въ теперешнія времена не можетъ возродиться въ слѣдствіе одной лишь религіозной нетерпимости какого нибудь фанатика Гази-Мухаммеда, или нашего добраго друга Шамиля: для этого нуженъ иной поводъ, нѣсколько фундаментальнѣе мусульманскаго фанатизма; и конечно, его слѣдуетъ искать не въ сальныхъ патронахъ индійскаго низама и не въ возбудительныхъ проповѣдяхъ Курали-Магомы, а въ дурно-организованномъ управленіи, допустившемъ повсемѣстное угнетеніе народа, какъ это случилось въ Индіи и почти также, только въ другомъ родѣ было въ Дагестанѣ. Подтвержденіемъ этого служатъ множество другихъ мусульманскихъ націй, не менѣе фанатическихъ какъ индійцы и наши горцы, которыя однако не поднимаютъ знамя войны во имя рели-

гіи, а ведутъ ее во имя своей независимости, какъ это дѣлается напримѣръ въ сѣверной Африкѣ и на западномъ Кавказѣ, гдѣ мы не слыхали о газаватѣ ни одного слова.

Такимъ образомъ, и для возбужденія священной войны въ Дагестанѣ, одного шаріата далеко недостаточно; тарыкатъ же, какъ это неоднократно было сказано въ нашей статьѣ, способенъ только мѣшать дѣлу, а не направлять его. Главное, что нужно для дагестанскаго газавата, это грабительства и деспотизмъ туземныхъ владѣтелей, да еще близкое сосѣдство съ какими нибудь не мусульманскими поселеніями, собственно для того, чтобы дать возможность народному возстанію именоваться не бунтомъ, а газаватомъ. Мнѣніе это подтверждается слѣдующими доводами.

И намъ и горцамъ очень хорошо извѣстно, что владычество наше на Кавказѣ ни въ какое время не было обременительнымъ для туземнаго населенія, за исключеніемъ чеченскихъ ошибокъ въ 1839 году. Во все остальное время, мы пользовались своею властью вполнѣ человѣколюбиво, и горцы, необязанные никакими повинностями, ни въ чемъ не стѣсняемые относительно религіи, въ конвойной и милиціонной службѣ находя особенный для себя почетъ, сопряженный съ матеріальными выгодами, наконецъ, изъ обыденныхъ сношеній съ русскими извлекая значительныя и постоянныя средства къ жизни, они никогда не чувствовали себя стѣсненными собственно съ нашей стороны, и потому къ возстанію противъ насъ не имѣли ни малѣйшаго повода.

Отыскивая причину газавата болѣе пристальнымъ образомъ, мы скоро убѣдимся, что хотя къ зарожденію его

мы по видимому нисколько не способствовали, но тѣмъ не менѣе принимали, конечно безъ всякаго съ нашей стороны желанія, самое дѣятельное участіе въ окончательномъ угнетеніи народа. Стоитъ только вспомнить, что съ изъявленіемъ дагестанскими племенами покорности, не была радикально измѣнена вредная система управленія ими; и горцы, въ началѣ смотрѣвшіе на русскихъ какъ на своихъ избавителей, въ послѣдствіи увидѣли себя горько обманутыми: установленные нами порядки не только не прекратили тиранніи туземныхъ владѣтелей, но предоставивъ имъ право управлять народами на прежнихъ основаніяхъ, подкрѣпили это право, до этого боязливое и шаткое, русскими пушками и штыками.

Фактъ этотъ вполнѣ совпадаетъ съ данными, на которыя указываетъ Шамиль. Они открываются дѣйствіями Асланъ-хана Казикумухскаго, о которомъ (также впрочемъ, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ туземныхъ владѣтеляхъ) писатели наши, основываясь на оффиціальныхъ источникахъ, отзываются такимъ образомъ: «уменъ, коваренъ, пронырливъ; преданность къ правительству болѣе или менѣе подозрительна».

Асланъ-ханъ, какъ мусульманинъ, долженъ былъ очень хорошо знать различіе между ученіемъ шаріата и ученіемъ тарыката. Онъ долженъ былъ знать и степень опасности, которой слѣдуетъ ожидать для края отъ того или другаго ученія. По этому, чтобъ исполнить надлежащимъ образомъ предписаніе генерала Ермолова о разслѣдованіи обнаружившихся въ управляемомъ имъ куринскомъ ханствѣ безпорядковъ, ему совсѣмъ не нужно было созывать

соборъ мусульманскихъ ученыхъ (*): и безъ нихъ онъ очень хорошо зналъ, что безпорядки обнаружились не въ слѣдствіе проповѣдей Курали-Магомы, а по поводу его собственныхъ грабительствъ и всякаго рода жестокостей, которыми онъ угнеталъ народъ.

Какъ владѣтель страны, въ которой возникло новое ученіе, Асланъ-ханъ лучше чѣмъ кто нибудь, долженъ былъ знать настоящую причину всякаго явленія въ общественной жизни его подданныхъ. По этому онъ зналъ, что ни Курали-Магома, ни Джемалэддинъ ни однимъ словомъ не заикнулись о газаватѣ; онъ зналъ также и то, что Гази-Мухаммедъ, наслушавшись ихъ проповѣдей, долженъ былъ возвратиться въ Гимра не народнымъ предводителемъ, а настоятелемъ монашескаго ордена, и что совсѣмъ не тарыкатъ побудилъ соотечественниковъ его взяться за оружіе. Если же онъ предполагалъ противное, то отчего прежде донесъ генералу Ермолову о безвредности новаго ученія, и зачѣмъ не принималъ мѣръ къ прекращенію его въ самомъ началѣ, восемь лѣтъ назадъ? Наконецъ, какъ туземецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ генералъ русской службы получавшій экстраординарныя суммы, Асланъ-ханъ прежде всѣхъ долженъ былъ знать о томъ, что дѣлается въ сосѣдственныхъ съ его владѣніями непокорныхъ или независимыхъ обществахъ: онъ долженъ былъ знать о расположеніи въ нихъ умовъ, объ ихъ коноводахъ и о намѣреніяхъ этихъ коноводовъ. Это давало бы ему воз-

(*) Перечень событій въ Дагестанѣ въ 1843 году, г. Окольничаго. Воен. Сборн. 1859 г.

можность, при небольшой долѣ усердія къ пользамъ правительства, предупреждать всякое зло въ самомъ началѣ.

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что при соблюденіи всѣхъ этихъ условій, еслибъ къ тому же предоставилъ онъ тарыкату свободу идти своею дорогою какъ онъ шелъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, не преслѣдуя его безъ всякаго основанія и не оскорбляя его представителей, то при первомъ извѣстіи о замыслахъ Гази-Мухаммеда, Асланъ-ханъ имѣлъ бы всѣ средства захватить его, какъ обыкновеннаго атамана разбойничьей шайки; и даже легко могло случиться, что онъ встрѣтилъ бы дружное содѣйствіе со стороны населенія, которое въ свою очередь принимало бы тогда Гази-Мухаммеда не за святаго человѣка, а за бродягу, нарушающаго общественное спокойствіе. Вѣроятность такого предположенія подтверждается между прочимъ тѣмъ фактомъ—что Гази-Мухаммедъ, не смотря на то, что открылъ военныя дѣйствія, не имѣя противъ себя непріятеля, встрѣтилъ однакожъ на первыхъ порахъ значительное противодѣйствіе со стороны своихъ же соотечественниковъ, которые вовсе не сочувствовали его воинственнымъ стремленіямъ.

Вмѣсто всего этого, Асланъ-ханъ воздвигъ ненужное гоненіе на тарыкатъ, и тѣмъ самымъ возвысилъ это ученіе въ глазахъ народа. Потомъ онъ оскорбилъ обоихъ муршидовъ—и народъ началъ смотрѣть на нихъ, какъ на мучениковъ за вѣру. «Религія наша тонкая», часто говоритъ Шамиль; и дѣйствительно: этихъ двухъ поступковъ Асланъ-хана достаточно было для того, чтобы переполнить мѣру терпѣнія горцевъ; перенося съ трудомъ и не безъ

затаенной злобы всевозможныя жестокости своихъ тирановъ, они долго удерживали себя въ границахъ, видя свое безсиліе, неспособное бороться съ условіями, которыми были окружены ханы и беки. Наконецъ, названныя выше дѣйствія Асланъ-хана разбили въ прахъ послѣднее и самое дорогое ихъ сокровище—религію, которая до сихъ поръ считалась неприкосновенною. Тогда горцы не стали уже больше удерживать порывы своихъ «большихъ» сердецъ, и только ожидали какого либо условнаго знака, чтобъ обнаружить настоящія свои чувства. Въ этотъ самый моментъ Гази-Мухаммедъ произнесъ слово, которое имъ было нужно. Это слово было «газаватъ», и горцы бросились въ омутъ священной войны, чтобъ только развязать ненавистный узелъ, затянутый вокругъ нихъ невѣжественною и порочною аристократіею (*).

Съ этого времени успѣхи газавата становятся въ прямую связь съ униженіемъ правъ туземной аристократіи. Ходъ этого послѣдняго дѣла могъ служить барометромъ для опредѣленія состоянія умовъ въ населеніи, отъ чего, конечно и самые успѣхи войны зависѣли гораздо болѣе, нежели отъ нашей неготовности встрѣтить грянувшія со-

(*) Для разъясненія сущности и подробностей возникшихъ безпокойствъ, нами рѣшительно ничего не было сдѣлано: мы даже не послали, по выраженію Шамиля, «своего человѣка», а съ самаго начала стали дѣйствовать на основаніи показаній Асланъ-хана и другихъ туземныхъ владѣльцевъ, вполнѣ полагаясь на достовѣрность сообщаемыхъ ими извѣстій. Наши же пограничные начальники, лишенные возможности пріобрѣтать вѣрныя и положительныя свѣдѣнія о состояніи волновавшагося края,—составляли свои донесенія большею частію на основаніи данныхъ, передаваемыхъ имъ тѣми же туземными владѣтелями.

бытія, или отъ нашихъ стратегическихъ ошибокъ. Такимъ образомъ Гази-Мухаммедъ, сказавшій давно ожиданное слово, но необъявлявшій формальной войны аристократическому началу, пользовался успѣхами перемѣнчивыми, потому что не встрѣтилъ дружнаго сочувствія въ народѣ, которому послѣ домашняго огня и меча его властителей, нуженъ былъ миръ, а не война; еслижъ и война, то именно за ту идею, которая въ предположеніяхъ Гази-Мухаммеда заминала роль второстепенную.

Потомъ является Гамзатъ-бекъ. Печальное, по словамъ Шамиля, убійство аварскихъ хановъ (*), обратило на него вниманіе народа, а ему доставило средства, не смотря на всю его административную неспособность, продержаться въ званіи имама цѣлыхъ полтора года. Будучи отчасти самъ аристократомъ (**), Гамзатъ-бекъ не хотѣлъ или не умѣлъ унизить аристократію, необходимость чего представлялась ему въ видѣ самыхъ неопровержимыхъ доводовъ. Нерѣшимость эта была причиною его смерти на столько же, на сколько и недальновидность въ дѣлахъ административныхъ.

Наконецъ Шамиль, изучившій дѣло газавата въ совершенствѣ и въ такомъ же совершенствѣ знавшій характеръ, образъ мыслей и дѣйствительныя нужды своего на-

---

(*) См. «Шамиль», біографическій очеркъ въ Кавказскомъ Календарѣ на 1861 годъ.

(**) Гамзатъ-бекъ—«чанка» то есть происшедшій отъ ханской крови, смѣшанной съ кровью простолюдиновъ.

См. «Взглядъ на сословныя права и на взаимныя отношенія сословій въ Дагестанѣ». Воен. Сборн. 1862 г. № 8.

рода,—воспользовался всѣмъ, чѣмъ пренебрегли его предшественники, или что было для нихъ недоступно. Первое произнесенное имъ слово было не «газаватъ»,— потому, что народъ и безъ того зналъ—для чего избралъ его имамомъ, а «равенство», въ которомъ горцы такъ нуждались послѣ долговременнаго тяжелаго гнета своей аристократіи.

Безъ всякаго сомнѣнія, идея равенства проповѣдывалась только на словахъ; примѣненіе же ея на дѣлѣ горцы видѣли можетъ быть только въ первое время управленія Шамиля, когда онъ отличался особенною энергіею и когда учрежденныя имъ власти еще не успѣли порядкомъ осмотрѣться на своихъ мѣстахъ. Въ послѣдствіи же горцы увидѣли себя горько обманутыми: своеволіе и притѣсненія наибовъ и другихъ административныхъ лицъ весьма живо напоминали собою деспотизмъ ханской власти, и хотя разница въ подробностяхъ была довольно значительная, но во всякомъ случаѣ о равенствѣ и помину не было. Убѣдившись въ этомъ, горцы убѣдились также и въ томъ, что хватились они поздно: выказанное ими сочувствіе идеѣ своего предводителя сдѣлало его столь сильнымъ и предоставило въ распоряженіе его такія средства, которыя при его умѣ обращали въ прахъ всякую попытку къ противодѣйствію. Только въ послѣдствіи, когда самъ Шамиль замѣтно уклонился отъ этой идеи и задумалъ осуществить на Дагестанѣ другой идеалъ, почерпнутый имъ изъ ветхозавѣтныхъ сказаній—идеалъ патріархальной жизни временъ Авраама,—только въ то время горцы начали противодѣйствовать болѣе чувствительнымъ образомъ, че-

му не мало способствовалъ упадокъ энергіи въ Шамилѣ и пущее ослабленіе надзора за дѣйствіями лицъ, избиравшихся для гражданскаго управленія.

Какъ бы то ни было, но истребивъ «противъ собственаго желанія (*)» послѣднюю отрасль аварской владѣтельной фамиліи, въ лицѣ Булачъ-хана,—Шамиль не сталъ больше рубить съ плеча головы бекамъ, подобно Гамзату; но отнявъ у нихъ рѣшительно всѣ права, втѣснилъ ихъ самихъ въ общую массу народа, и тѣмъ самымъ стеръ съ лица земли это сословіе на цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ.

Въ какой степени мѣра эта была сообразна съ духомъ народа и съ потребностями страны,—мы можемъ судить по тѣмъ препятствіямъ, съ которыми такъ долго боролись: мы видѣли, что газаватъ въ Дагестанѣ былъ возведенъ Шамилемъ въ идеалъ, непредвидѣнный самимъ пророкомъ (**); и потому, соображая теперь всѣ вышеизложенныя данныя, нельзя кажется не согласиться —что долговременнымъ своимъ существованіемъ священная война главнѣйшимъ образомъ обязана заявленію идеи равенства. Доказательствомъ этого, кромѣ личнаго сознанія Шамиля, можетъ служить еще тотъ фактъ—что законодательство его и всѣ умныя мѣры, которыя принималъ онъ въ борьбѣ съ нами, начали дѣйствовать уже послѣ переселенія его въ Дарго, то есть послѣ того, какъ онъ находился

(*) См. «Шамиль», біографическій очеркъ въ Кавказскомъ Календарѣ за 1861 годъ.

(**) «Пророкъ велъ газаватъ 23 года, Шамиль 25 лѣтъ». *Собственныя слова Шамиля.*

въ обстоятельствахъ несравненно худшихъ, нежели тѣ, которыя сократили дѣятельность его предшественниковъ. Подобно имъ, и Шамиль давно ужъ долженъ былъ бы окончить свое поприще, если бы народъ не зналъ, что въ основаніи его дѣйствій лежитъ идея равенства, идея освобожденія большинства изъ-подъ тяжелаго ига меньшинства. Собственно по этому, доведенный въ одно время (послѣ Ахульго) принятыми нами энергическими мѣрами до послѣдней крайности, скитаясь какъ бродяга изъ общества въ общество, изъ селенія въ селеніе, Шамиль вездѣ находилъ не только пріютъ и сочувствіе къ своему положенію, но и полную готовность раздѣлить его судьбу, не взирая на всю опасность такого участія. Между тѣмъ, еслибъ на его мѣстѣ былъ кто либо другой, дѣйствовавшій по инымъ принципамъ, онъ съ первыхъ же шаговъ былъ бы выданъ русскимъ, или убитъ своими же родичами.

Изъ всѣхъ изложенныхъ нами подробностей можно сдѣлать слѣдующій окончательный выводъ:

Что настоящею причиною возстанія въ Дагестанѣ были: не Курали-Магома съ его «мюридизмомъ» и не Гази-Мухаммедъ съ его фанатизмомъ, а деспотизмъ и испорченность дагестанскихъ владѣтелей, коварство и корыстолюбіе Асланъ-хана Казикумухскаго, умышленныя или неумышленныя ошибки въ его административныхъ распоряженіяхъ, и наконецъ, воздвигнутое имъ гоненіе на вѣру. Послѣднее обстоятельство, какъ это можно было видѣть, отнюдь не составляетъ главной причины во всемъ этомъ дѣлѣ, но оно было тою каплею, которая переполнила ча-

шу терпѣнія горцевъ и пробудила всѣ ихъ страсти, до тѣхъ поръ невозмутимо дремавшія подъ ударами ханской тиранніи

Заключеніе это совершенно не сходно съ утвердившимся у насъ мнѣніемъ о причинахъ, возбудившихъ на восточномъ Кавказѣ тридцатипятилѣтнюю войну Мы не беремся пока отстаивать нашего убѣжденія оно пріобрѣтено, какъ выводъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя достались на долю нашему соображенію Мы должны даже сказать, что самъ Шамиль не вполнѣ раздѣляетъ наше мнѣніе онъ только говоритъ, что деспотизмъ дагестанскихъ владѣтелей дѣйствительно много содѣйствовалъ начальнымъ и послѣдующимъ успѣхамъ газавата, но что идея священной войны родилась въ умѣ Гази-Мухаммеда независимо угнетеній народа, и общаго съ ними ничего не имѣетъ «Такой ужъ это человѣкъ былъ»,—по его выраженію Но и того кажется намъ достаточнымъ, чтобы подвергнуть возникшій вопросъ суду критики и дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ

